Александр
Тамоников
COMITE INTERNATIONAL
Поезд дружбы
Эшелон нацистов мчится на Восток

Александр Александрович Тамоников

Поезд дружбы

Серия «Проект «ЭЛЬБА»», книга 9

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8496309
Тамоников, Александр Александрович. Поезд дружбы: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-75967-5

Аннотация

Украинская армия несколько месяцев безуспешно пытается занять Зареченск – главный оплот повстанцев, сторонников федерализации. Новое украинское правительство, чтобы ускорить взятие непокорного города, отправляет в зону боевых действий поезд международной благотворительной организации, в вагонах которого вместо медперсонала размещают головорезов из частной американской армии. Смертельный эшелон цинично называют «поездом дружбы». Наемники должны прибыть в город под видом волонтеров и за несколько часов зачистить жилые кварталы как от ополченцев, так и от мирных жителей. О планах украинского правительства становится известно российским спецслужбам. В сторону Украины срочно выдвигается отряд спецназа ГРУ. Бойцам приказано любой ценой попасть на «поезд дружбы» и ликвидировать нацистов. Чего бы это ни стоило…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 44
Глава 3 79
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Александр Тамоников

Поезд дружбы

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.
А. Тамоников

© Тамоников А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Два внедорожника свернули с дороги Каровск – Зареченск, прошли по грунтовке около трехсот метров, въехали в лесной массив и остановились у шлагбаума полевого контрольно-пропускного пункта. Из будки вышел солдат-десантник в каске и бронежилете. Автомат АКС-74 он держал в готовности к бою.

Из «Ниссана» выпрыгнул мужчина лет тридцати в черной форме без опознавательных знаков и заявил, будто скомандовал:

– Свои мы!

Солдат усмехнулся и осведомился:

– Неужели? А кто здесь свои?

– Ты что, солдат, не видишь, кто приехал?

– А ты голос-то не повышай! А то отмашку дам, и пулеметный расчет твои джипы в хлам разнесет.

Мужчина сжал губы, но сменил тон и спросил:

– Командир бригады на месте?

– Это смотря для кого, – проговорил десантник и вновь усмехнулся.

Мужчина не выдержал и буквально зарычал:

– Да ты что, боец, ослеп? Перед тобой сотник «Державы». Командир на месте?

Солдат понял, что подъехали каратели.

– На месте. Но у меня приказ не пропускать никого без личного разрешения командира бригады.

– У тебя связь с начальством есть?

– Конечно.

– Ну так передай командиру, что к нему прибыл представитель штаба антитеррористической операции.

– Как представить?

– Скажи, что приехал Лютый!

– Ладно, сейчас! Петро! – позвал он кого-то, повернувшись к лесу.

Из кустов донеслось:

– Да, Денис?

– Я на КПП, а ты пригляди за мужиком и тачками. Если что, бей из пулемета на поражение. Хрен их знает, что за гости, в натуре.

– Понял.

Солдат повернулся к мужчине и заявил:

– А ты, Лютый, стой на месте и предупреди тех, кто в машинах, чтобы на местах сидели. Иначе всех вас положат тут.

У мужчины от бессильной ярости заходили желваки.

– Делай свое дело, солдат! – прохрипел он.

Боец прошел на КПП, по полевому телефону вызвал дежурного по бригаде.

– Капитан Волынов, слушаю!

– Дневальный по первому КПП сержант Московец!

– Слушаю тебя, сержант.

– Тут к КПП два внедорожника подъехали. Мужик, который вышел из одного из них, сказал, что ему нужен командир бригады. Просил передать, что прибыл сотник «Державы» Лютый.

– Подожди, я свяжусь с комбригом.

Через несколько секунд дежурный приказал:

– Пропустить машины, не досматривая!

– Понял, выполняю.

Десантник поднял шлагбаум, вышел на порог и сказал:

– Проезжайте. Как доехать до штаба, знаете?

– Найдем!

– По грунтовке до первого модуля, это и есть штаб.

– Неси службу!

– Куда ж от нее денешься.

– А что, не хочется служить?

– Можно, лишь бы не переслуживать, а дембель нам на три месяца отложили.

– Так сейчас надо.

– Кому?

– Родине твоей!

– Ну ты сказал!.. Родине. Где она? До столицы или за ней?

– Ты эти базары прекрати, а то под трибунал пойдешь.

– А мне плевать. Надоело все до чертиков. Вы езжайте, не мешайтесь тут под ногами.

– Борзый ты, солдат.

– Какой есть!

– Родом откуда?

– Издалека.

– Ну-ну!

Мужчина сел в «Ниссан», и два внедорожника двинулись к штабному модулю, где их встретил дежурный по бригаде. Из машин вышли семь человек.

Старший, который представился Лютым, приблизился к офицеру и спросил:

– Где командир?

– В кабинете. Машины можете отогнать в парк, тут недалеко, за поворотом. Людей разместим здесь, в штабном модуле. На время, конечно.

– Я ненадолго, так что машины и люди останутся на месте.

– Лады, кабинет командира последний справа по левому коридору.

Лютый повернулся к подчиненным, окликнул одного:

– Мирон! Ждать здесь. По части не бродить.

– Понял.

Представитель руководства антитеррористической операции, уже вторую неделю проводившейся в юго-восточном регионе страны, прошел в кабинет командира отдельной десантной бригады.

Дверь он открыл без стука, как свою, потом уточнил:

– Полковник Боровко?

– Валерий Иванович, – подсказал комбриг. – С чем пожаловали, господин Лютый?

Сотник подошел к столу, присел на складной стул, выложил лист бумаги.

– Что это? – спросил командир бригады.

– Это документ, подписанный президентом, который подчиняет твою бригаду мне.

– Во как? И кто же вы по званию, господин Лютый, чтобы командовать бригадой?

– Это неважно. Ты будешь командовать соединением, но выполнять при этом мои приказы.

Полковник взял в руки лист бумаги, прочитал, положил на стол и проговорил:

– Дожили. В войска комиссаров начали присылать.

– Ты чем-то недоволен, Боровко? Говори сразу, замену тебе я найду быстро.

– Какие будут указания, господин Лютый?

– О них позже. Сейчас я хочу знать, что за обстановка сложилась на данный момент в районе города Зареченск.

– Кое-что в военном деле вы все-таки понимаете.

– Я задал вопрос и жду ответа на него.

Боровко посмотрел на часы.

– Не кажется ли вам, господин Лютый, что четыре утра – не самое удобное время для проведения служебных совещаний?

– Я жду ответа, полковник.

– Ну что ж! – Командир бригады достал из сейфа карту местности и разложил ее перед боевиком националистиче-

ского радикального движения «Держава», благодаря которому и пришло к власти нынешнее руководство страны.

«Держава» являлась боевой организацией, безжалостной, кровавой бандой. Кумиром ее членов был Степан Бандера.

– Это карта Зареченска с прилегающими территориями.

– Вижу. Что обозначено на ней?

– Красным карандашом – места дислокации батальонов бригады и приданных сил, синим – позиции народного ополчения.

– Не ополчения, а экстремистов, сепаратистов, террористов. Получается, что они контролируют весь город!

– Да какие, к черту, экстремисты? Обычные люди, поднявшиеся против политики новых властей.

Лютый внимательно посмотрел на командира бригады и осведомился:

– Тогда против кого ты, Боровко, проводишь антитеррористическую операцию?

– А вот это, я думаю, не понимают и в столице.

– Ты говори, да не заговаривайся.

– А вам, господин Лютый, следует прекратить «тыкать» мне. Все же я старше вас.

– Да? Ты теперь мой подчиненный, и я буду обращаться к тебе так, как пожелаю. Докладывай обстановку!

Полковник тяжело вздохнул, присел на такой же складной стул напротив представителя новой власти и заявил:

– Как видите по карте, город полностью заблокирован,

что, собственно, и являлось задачей бригады. Блокпосты пропускают только частные машины, «Скорую помощь», пожарные, автомобили с пропуском губернатора, с продуктами. Вся техника досматривается. К Зареченску подходят четыре основные автомобильные дороги: от Каровска, Данова, Славного, Рубово. Они перекрыты. Город является достаточно крупным железнодорожным узлом. Поезда идут по графику.

– Вы не контролируете их?

– Нет, до границы поезда сопровождают специальные подразделения. Скорее всего, это ваши коллеги.

– Дальше!..

– Батальоны бригады размещены вокруг города, это тоже видно по карте. Роты занимают позиции обороны. Бригаде передан батальон национальной гвардии. Он стоит в роще у Большого холма юго-западнее города. В батальоне двести хорошо вооруженных бойцов. Командует ими капитан Туренко Василий Викторович.

– У тебя налажено взаимодействие с ними? – спросил Лютый.

– Батальон Туренко прибыл сюда лишь двое суток назад, пока обустраивается.

– Что еще по нашим силам?

– Бригаде придана группа из пары самоходных артиллерийских установок «Гвоздика» и двух систем залпового огня «Град». Ею командует капитан Бойко Андрей Андреевич.

Есть взвод стодвадцатимиллиметровых минометов лейтенанта Дрона и авиагруппа, состоящая из шести Ми-8 и четырех Ми-24. Командир – майор Таняк Леонид Евгеньевич.

– Сколько минометов во взводе Дрона?

– Четыре.

– Что с боеприпасами?

– Хватает.

– Это не ответ!

– Артиллерия и авиагруппа имеют двойной боекомплект, причем разнообразный.

– Понятно.

– Почему вас не интересует штат бригады?

– Он мне известен. Но к тебе должны подойти еще и танки.

– Не только они. Еще пара самоходок, минометы. Но эшелон развернули, так как железную дорогу у Вольны перекрыли мирные жители.

– Как какие-то ватники могли остановить эшелон?

– Ватники, говорите? – Полковник посмотрел на бандита. – Я воздержался бы от подобных оскорблений. Здесь живут такие же люди, как и в других регионах страны. Они и разобрали пути. А поезда, знаете ли, по одним шпалам передвигаться не могут.

– Издеваешься?

– Ни в коем случае. Докладываю обстановку.

Командир бригады вызывал у националиста раздражение.

– Что по противнику? – спросил сотник.

– Местные жители…

Лютый резко прервал Боровко:

– Сепаратисты! Сколько можно повторять?! Какие, к черту, местные жители?

Боровко не обратил внимания на раздражение боевика и продолжил:

– Местные жители, а точнее, отряды самообороны, сформированные из них, установили блокпосты на всех автомобильных дорогах при въезде в город. Они вооружены автоматами, ружьями, кое-где есть и пулеметы. Блокпосты прикрываются бронетехникой. Южный имеет два БТР-60 ПБ. Это направление от Каровска. На двух западных постах – их размещение отмечено на карте – мы заметили бронетранспортер и БМД-1. Мост через реку Лисина тоже защищает пост с боевой машиной десанта, имеющей семидесятитрехмиллиметровое орудие «Гром» и пулемет ПКТ. Две боевые машины пехоты, а также самоходная артиллерийская установка «Нона» находятся на площади Ленина, прикрывают центр города. На всех улицах Зареченска баррикады, на которых дежурят преимущественно безоружные люди. Здания администрации, ОВД, суда, прокуратуры и отдела службы безопасности контролируются силами самообороны. Штаб ополченцев расположен в здании районной администрации.

– Откуда у сепаратистов столько техники?

– Захватили, когда началась антитеррористическая опе-

рация и первые армейские подразделения вошли в город. Некоторые офицеры и солдаты перешли на сторону ополченцев. Вместе с оружием и техникой. Часть была выведена. На смену им прислали нас.

Влас Лютый указал пальцем на карту.

– Это что?

– Бывший аэродром ДОСААФ. Там сейчас размещено усиление бригады.

– Ты пытался взять Зареченск?

– Нет. У меня задача заблокировать город.

– А батальон национальной гвардии?

– Я же говорил, он только обустраивается. Расчищает площадки, ставит палатки. Задача батальона мне неизвестна. Истинная, – поправился командир бригады.

– У тебя пять полноценных батальонов, мощная группировка усиления, больше сотни единиц техники, авиация, и ты держишь войска на стационарных позициях?

– Послушайте меня, господин Лютый. Сколько можно повторять, задача бригады – блокировать город, а не штурмовать его. К тому же у офицеров и солдат нет никакого желания стрелять в мирных жителей.

– Это ты послушай меня, полковник. Пока ты здесь жуешь сопли, все больше жителей таких вот поселков переходят на сторону сепаратистов.

– Значит, такова их воля.

Разговор офицера и главаря боевой организации прерва-

ли несколько пулеметных очередей. Следом грохнул разрыв снаряда, началась интенсивная стрельба из автоматов. Огонь велся на севере поселка.

– Что еще за черт?! – воскликнул командир бригады и схватил трубку полевого телефона. – Дежурный! Что за стрельба?

– Выясняю, господин полковник.

– Так живее выясняйте и сразу же докладывайте мне.

Лютый откинулся на спинку стула, усмехнулся и заявил:

– Оказывается, не все здесь так хорошо, как ты представляешь.

Телефон издал сигнал вызова.

Лютый мог слышать, о чем шел разговор.

– Господин полковник, обстановку уточнил. Это подразделение майора Городича открыло огонь по северному посту ополченцев. Те ответили. Ведется позиционный бой.

– Кто применил оружие? Наши или ополченцы?

– Наши. Из БМД выстрелили в бетонные блоки.

– Связь мне с Городичем!

– Есть.

Через несколько секунд ответил начальник штаба батальона:

– Сосна-32 на связи!

– Говорит Первый! Кто приказал открыть огонь?

– Комбат.

– Где он сейчас?

– На позициях второй роты.

– Связь с ним есть?

– Никак нет.

– Тогда высылайте посыльного с приказом немедленно прекратить огонь. Майору Городичу срочно прибыть в штаб бригады. Вопросы?

– Никак нет.

– Выполняйте! – Полковник бросил телефонную трубку. – Этот Городич мне уже вот где, – Боровко провел ладонью по горлу. – Прислали комбата!.. Ему не в армии, а в банде Махно служить.

– Что, полковник, значит, есть в бригаде люди, готовые воевать с сепаратистами?

– И чему вы радуетесь, господин Лютый? Тому, что армию превратили в хреновый колхоз? Тому, что дисциплина у каждого своя? Так мы далеко пойдем.

– Вот такие типы, как ты, и развалили армию.

Командир бригады прищурил глаза. От его вежливости не осталось и следа.

– Послушай, ты, представитель власти! Я вот сейчас прикажу вышвырнуть и тебя, и твоих боевиков за пределы соединения. Валите-ка вы в столицу!..

– Прикажи, полковник. – Лютый усмехнулся. – Пойдешь под суд революционного трибунала. А я сделаю так, что до него ты не доживешь. – Сотник резко повысил голос: – Знай свое место, полковник! Сейчас и навсегда в стране наша

власть. Ты будешь слушать нас либо в расход пойдешь. Комбата не трогать! Я уезжаю, но совсем скоро вернусь. Тогда мы и начнем серьезную работу. Подумай о моих словах. Это реальное предупреждение. Церемониться с саботажниками и предателями мы не будем.

– Что, всех поставите к стенке?

Лютый подошел вплотную к Боровко и прошипел:

– Если надо, комбриг, то всех поставим к стенке. Все, надоел ты мне. – Лютый вышел из кабинета, затем из штабного модуля.

Стрельба на северном направлении тем временем прекратилась.

Боевик сплюнул на землю и приказал подельникам:

– По местам. Выезжаем отсюда. – Он запрыгнул на переднее сиденье первого внедорожника.

Водитель спросил:

– Куда едем, Влас?

– Подъезжай к КПП, узнаем, как проехать к роще у Большого холма.

– А что там?

– Не что, а кто. Батальон национальной гвардии. И вообще, Мирон, не надо задавать ненужных вопросов. Я уже с одним идиотом вдоволь наговорился.

Водитель шмыгнул носом, завел двигатель, развернул «Ниссан» и повел его к полевому контрольно-пропускному пункту. Следом пошел второй внедорожник.

На КПП сержант объяснил боевикам, как проехать в нужное место, и на рассвете машины въехали в полевой лагерь. Здесь ни КПП, ни шлагбаума с часовым не было. Лишь вооруженный боец в черной форме, такой же, как у Лютого с компанией, стоял у большой палатки. Он направил на «Ниссан» автомат.

Лютый выглянул из окна и заявил:

– Мы бойцы «Державы»!

– Ксива есть?

– Все есть! Капитан Туренко в этой палатке?

– В этой. И не надо кричать, люди спят. До подъема еще час. А ксиву покажи. Только один выйди, остальные пусть в машинах сидят.

– Добре, солдат, добре. – Лютый выбрался из машины, подошел к караульному, показал мандат и паспорт.

Боец национальной гвардии внимательно просмотрел документы, вернул их хозяину.

– Ясно. В машинах ваши люди?

– Здесь что, аномальная зона? – воскликнул Лютый.

– В смысле? – не понял боец.

– В том смысле, что я у Зареченска встречаю уже третьего идиота. Только с ними и общаюсь! Сам подумай, если я приехал на машине, а за ней идет еще одна, то кто, кроме верных мне людей, может быть в них?

– Мне почем знать? Документы в порядке. Дальше что?

– Ну точно аномальная зона. Буди своего командира,

пусть выйдет.

– Нет, не могу. Он в морду даст.

– Быстрее я тебе набью морду. Выполняй, что говорят.

Боец вздохнул и зашел в палатку.

Вскоре оттуда донеслось:

– Какого черта? Время сколько, смотрел?

– Так точно, господин капитан, но вас требует Лютый!

– Чего? Какой еще Лютый? Пшел вон, придурок!

– Извините, господин капитан, Влас Лютый очень хочет вас видеть.

Видимо, до командира батальона национальной гвардии наконец-то дошло, в чем дело.

– Пшел на пост. Сейчас приду!

Боец вышел из палатки, поправил автомат и пробубнил:

– Говорил же, командира лучше не будить. Тем более что лег он только в три.

– А до этого чего делал?

– Об этом у него спросите.

Из палатки вышел мужчина лет двадцати пяти в спортивном костюме с помятой физиономией, окруженный ароматом свежего перегара.

Он взглянул на приезжего и буркнул:

– Чего надо?

Лютый раскрыл перед лицом комбата мандат.

– Читай, капитан!

Туренко прочитал, понял, что перед ним начальство, под-

тянулся и выпалил:

– Извиняюсь, господин Лютый!

– Значит, вместо того чтобы командовать батальоном, ты, капитан, пьянствуешь?

– Вовсе нет. Ну, выпили вчера малость. Хлопцы из Рубово девок привезли. Мы, сами понимаете, расслабились немного.

– А девицы где?

– Так обратно в поселок и отправили.

– А сегодня они заявят, что их изнасиловали славные бойцы батальона национальной гвардии, опора правительства, так?

Туренко рассмеялся и заявил:

– Если их и изнасиловали, то лет десять назад, не меньше. Это же шлюшки были.

– С этим позже разберемся. Но предупреждаю, впредь никаких расслабух, горилки, дивчин, ясно?

– Ясно.

– Отойдем в сторону.

– Как скажете.

Лютый и Туренко прошли к старой березе, высившейся на опушке рощи.

Представитель штаба антитеррористической операции спросил:

– Что у тебя за люди, Туренко?

– Хлопцы в основном с майдана. Есть партия доброволь-

цев из западных областей, но тех немного.

– Значит, почти все обстрелянные?

– С ментами дрались, здания брали, местных всяких разгоняли. Нормальные хлопцы.

– Много кровью повязанных?

– Да почти все. До формирования батальона обретались кто где. По большей части, конечно, на майдане, но есть и такие, которые кацапов на улицах отстреливали да забивали насмерть.

– Это хорошо. В Зареченске крутой шухер организовать сможете? Там придется валить не только мужиков, но и баб. Всех, кто подвернется под руку. Наглухо!

– А вот это смотря сколько власти заплатят. Даром серьезно чистить город бойцы не станут.

– Деньги будут.

– Тогда и шухер будет. А если еще войска поддержат, то снесем к черту весь этот Зареченск.

– С оружием у вас как?

Туренко усмехнулся и ответил:

– Этого добра хватает. Мы ведь теперь официальное специальное подразделение! Батальон! Когда работать начнем?

– Скоро. А пока подумай, как будешь действовать в ходе зачистки. Определи, кто какой улицей пойдет, какие здания брать будет, что взрывать, а что поджигать. Операция должна быть рассчитана до мелочей. Это понятно, капитан?

– Понятно!

– Насчет расслабухи и девчат?

– Понятно.

– Сегодня же ты встретишься с командиром бригады. Собственную предварительную задачу не озвучивай. На вопросы комбрига отвечай уклончиво, мол, батальон прислали сюда для совместных действий с бригадой, но конкретной задачи пока не ставили. О нашей встрече сказать можешь, но только то, что познакомились, потом я посмотрел твоих бойцов, вооружение. Никакой конкретики. Особо с комбригом не откровенничай. Не наш он человек.

– А как же с ним тогда воевать?

– А кто сказал, что именно с ним? Ты же сам офицер, должен знать, что командиры приходят и уходят, а подразделения, части, соединения остаются. Ты будешь взаимодействовать с батальонами и ротами бригады, а не с каким-то конкретным командиром. Это понял?

Туренко пригладил непослушные, немытые волосы. Соображал он по-прежнему туго.

– Да вроде понятно. В общем, с командиром встретиться, но лишнего не говорить. Только то, что мы будем действовать вместе. А что и как, определит начальство.

– Верно.

– Один вопрос разрешите?

– Давай!

– Вы не тот Лютый, сотня которого мочила москалей в Гороцке?

– Тот, а что?

– Да очень лихо вы их, без лишних базаров! До вас, по-моему, никто вот так открыто не открывал огонь по населению.

– Мне был отдан приказ, и я его выполнил. Надеюсь, что в этом плане и у нас с тобой проблем не возникнет.

– Какие могут быть проблемы? Единственное, надо бы парням заплатить.

– Сказал же, этот вопрос решу.

– Когда ждать?

– Как только, так сразу. Ты делай то, что сказано.

– Есть!

– Ну и добре. Поехал я.

– Может, дождетесь завтрака, а пока отдохнете?

– Нет! Мы позавтракаем и отдохнем дома.

– Ну, тогда счастливого пути.

– Спасибо. Работай, капитан!

– Все будет нормально!

– А иначе тебе не жить, Вася! Революция ни предательства, ни ошибок не прощает. Бывай!

Пара внедорожников выехала из рощи, прошла Каровск, свернула на трассу. На подъезде к столице Лютый достал из кармана сотовый телефон, набрал номер.

Послышались длинные гудки, потом ему ответил хрипловатый мужской голос:

– Да?!

– Это Влас, Родион Александрович. Доброе утро.

– Доброе. Ты где сейчас?

– На подъезде к столице. Готов немедленно доложить о результатах поездки на восток. Скажите, куда подъехать?

– В город не въезжай. Останови сразу за постом ГАИ. На стоянке у кафе. Сейчас десять двадцать. В половине двенадцатого подъеду, тогда и поговорим. Понял?

– Так точно, Родион Александрович. – Лютый отключил телефон, повернулся к водителю и приказал: – За дорожным постом на въезде в город будет кафе. Там остановишься.

– Добро, – ответил Тарас Бровчук.

Спустя десять минут две машины встали на площадке. Боевики зашли в кафе, заказали завтрак. За десять минут до условленного времени Лютый приказал подчиненным оставаться в заведении и вышел на улицу. Вскоре он увидел «Хонду» Родиона Миковича, занимавшего высокий пост в службе безопасности страны. «Хонда» развернулась и остановилась прямо возле Лютого. За рулем находился сам Микович.

Он открыл переднюю дверцу и распорядился:

– Садись, Влас!

Лютый занял место рядом с ним.

Микович приказал:

– Докладывай, что у Зареченска.

– Ситуация неоднозначная, Родион Александрович.

– Подробней и ясней!

– Встречался с командиром бригады. Как понял, он не горит желанием вести боевые действия. Бригада город заблокировала, однако посты пропускают в Зареченск продовольствие и людей из других регионов.

– Что же это за блокада?

– Вот и я о том же, Родион Александрович. Полковник Боровко не признает отряды самообороны за сепаратистов, говорит, что это народное ополчение, недовольное новыми властями, поддерживаемое местными жителями. Боровко вряд ли отдаст приказ на штурм города. Если вынужден будет это сделать, то сам же и сорвет его. С таким комбригом не приходится рассчитывать на то, что войска войдут в город.

– Плохая новость.

– Но есть вариант.

– Что за вариант?

Лютый рассказал собеседнику о самостоятельных действиях командира батальона бригады, обстрелявшего позиции ополчения безо всякого приказа.

– Кто такой этот комбат? – спросил Микович.

– Майор Городич. Вот если снять Боровко и на его место назначить Городича, то ситуация изменится.

– А ты уверен, что за Городичем пойдут другие командиры батальонов?

– Нет. Но атака даже одного батальона при поддержке артиллерии и авиации – это уже серьезно. Она заставит сепара-

тистов перебросить силы с южного и западного направлений на север, что обеспечит проникновение в Зареченск батальона национальной гвардии капитана Туренко. Тогда и другие подразделения в стороне не останутся. Кому охота попадать под суд революционного трибунала?

– Да, неплохой вариант, – согласился Микович. – Значит, необходимо отстранить полковника Боровко от должности?

– Я бы советовал снять не только комбрига, но и всех его заместителей.

– Хорошо, я решу этот вопрос.

– Извините, Родион Александрович. Перестановку в командовании бригады надо сделать как можно быстрее, а то этот Боровко может додуматься и до перехода на сторону сепаратистов. От него всего можно ожидать.

Микович кивнул и заявил:

– Приказ будет подписан сегодня же. Вот только Боровко может и не подчиниться, раз предугадать его реакцию на отставку невозможно. А нам такой прокол не нужен. Сделаем по-другому. Вызовем полковника в столицу, а здесь нейтрализуем. Передадим приказ о повышении майору Городичу, тот на месте повяжет заместителей Боровко.

– А если комбриг откажется ехать в столицу? Нельзя исключать и такой вариант.

– Тогда отдашь приказ Туренко на ликвидацию мятежного полковника. У капитана есть снайперы. Им не составит труда убрать командира бригады, как, впрочем, и его заме-

стителей. Но это крайний случай.

– Полностью согласен с вами.

Микович усмехнулся.

– Еще бы! – Он кивнул назад. – За тобой на сиденье кейс. Забери его. Там зарплата твоим бойцам, по тысяче долларов рядовому, по две – взводным.

– В кейсе и моя доля?

– Денежное довольствие, а не доля.

– Пусть так, мне без разницы.

Микович достал из кармана пачку пятидесятидолларовых купюр.

– Вот твое довольствие. Пять штук зеленых. Возьмешь Зареченск, получишь в двадцать раз больше. Сто тысяч, возможны еще и премиальные.

– Хорошие деньги.

– Особенно по сравнению с доходами простых граждан. Не у всех работяг по пятьдесят долларов в месяц выходит. Так что держись за должность.

– Я держусь. Капитан Туренко просил денег.

– В курсе. Они уже отправлены на соответствующий счет. Слышал, ты хочешь у еврея в своем поселке дом отобрать?

– И кто же это такой осведомленный слил меня вам?

– Неважно. Я лично ничего не имею против, но провернуть дельце ты должен тихо и без крови.

– За это не беспокойтесь.

Микович вновь усмехнулся и заявил:

– Это не мне, а тебе беспокоиться надо. Если шум насчет беспредела выйдет за границы поселка, то я первым отдам тебя под суд.

– Понял.

– Сейчас езжай домой, отдохни. Соскучился, наверное, по жене-то?

– Жена что? Бабу на день-другой можно в любом селе найти. По дочке соскучился.

– Вот и повидаешься с дочкой! Послезавтра в ночь ты с сотней должен убыть к Зареченску в качестве командующего всеми силами, дислоцирующимися у мятежного города. Там подготовить и провести штурм. Это понятно?

– Так точно, Родин Александрович.

– Ступай! У меня в городе дел полно.

– Благодарствую. Все сделаю как надо.

– С еврейской семьей тоже?

– Так точно!

– Ну, удачи! Если что, звони, но не по пустякам.

– До свидания, Родион Александрович. Еще раз благодарствую.

– Не за что. Родину от варваров спасаешь. Святое дело делаешь. Все, иди!

Лютый вышел из машины, и «Хонда» тут же рванула с места.

Сотник прошел в кафе, положил на стол кейс, взглянул на заместителя, Богдана Скарабу, и сказал:

– Здесь бабки. Рядовым по штуке, взводным и тебе – по две. Разделишь сам и прикажешь всем послезавтра собраться за моим поселком в полной экипировке. Подогнать два грузовика.

– Вернемся в Зареченск?

– Да. Только теперь не на инспекцию. На работу.

– Без вопросов, командир.

– Ты со своими езжай в город, я с Бровчуком, Безобразом и Дуничем – в Гольно. Послезавтра в двадцать два сбор там, у леса. Вопросы есть?

– Да какие вопросы?

Голос подал Мирон Безобраз:

– Мы свои бабки взять можем?

– Конечно. Берите и валите на улицу.

В 9.20 от кафе отошел «Ниссан», через пятнадцать минут – вторая машина. Бровчук повел внедорожник в объезд столицы. В половине первого он остановил его возле ворот высокого забора дома Лютого. Главарь боевиков и Дунич вышли. Остальные поехали к своим домам. Дунич остался в качестве охранника.

Бандиты прошли во двор, Дунич сразу же вошел в сторожку справа от ворот. Там ему предстояло нести службу до 20.00, когда его должен был сменить Безобраз.

Из дома выбежала девочка лет восьми в ситцевом платьице и закричала:

– Папа приехал!

Лютый подхватил ее на руки.

– Анютка, доча, я так соскучился по тебе.

– Я тоже. И мамка.

Лютый опустил дочь на асфальт.

– Подожди. А ты почему не в школе?

– Не хочу в школу, там меня обижают, – заявила девочка.

– Что? Кто обижает? Пацанва местная?

– Нет, учительница. Вчера двойку за поведение поставила, а я только один раз обернулась к Любаше. А Зося Артемовна мне сразу еще и написала в дневнике, что я плохо вела себя на уроке.

– Вот как, значит? Ничего, золотце, не переживай. Тебе больше не будут ставить двойки.

Во дворе появилась и супруга Лютого Дарья.

– Здравствуй, Влас!

Лютый не стал приветствовать жену, сразу спросил:

– Ты в школе была?

– По какому поводу?

– Дочь обижают все кому не лень, а она спрашивает, по какому поводу! Ты разбиралась, почему Анюте двойку стерва Соколова влепила?

– Анна сама виновата. Нечего крутиться.

– Да?

Лютый подошел к жене и замахнулся. Женщина сжалась, но муж остановился, бить, как обычно, не стал. Анна была рядом.

– Запомни, дура, моя дочь в этом Гольно никогда ни в чем виновата не будет, что бы ни сделала! Поняла? – прошипел сотник.

– Да, Влас!

– С тобой я поговорю позже. Сейчас веди Анюту в дом, а я пройдусь в школу. Разберусь, что там за дела.

– Влас, пожалуйста, не надо, – попросила Дарья.

– В дом, сказал!

Женщина взяла девочку и увела в дом.

К сотнику подошел Дунич и спросил:

– Проблемы, командир?

– Представляешь, какая-то сучка, простая училка, доводит до слез Анютку. Пойду в школу, разберусь.

– Мне с тобой?

– Нет, сам справлюсь. Ты своим делом занимайся.

Лютый прошел в школу. Там в это время шли уроки. Бандит направился в приемную, ногой открыл дверь в кабинет директора.

Тот оказался на месте и спросил:

– Господин Лютый, что значит ваше вторжение?

Боевик подошел к креслу руководителя, достал из кармана свернутый дневник, раскрыл его на странице, где стояла двойка и было записано замечание, сунул его под нос директору.

– Это что такое, господин Садовый?

– Вы ведете себя недопустимо! Я…

Лютый оборвал директора:

– Я спросил тебя, что это такое?

– Оценка за поведение и замечание.

– Оценка, да? Какая-то русская шлюха смеет оценивать поведение дочери сотника «Державы»?

– Но при чем здесь национальность? Зося Артемовна – прекрасный педагог.

– Ты случаем не записался в антимайдановцы?

– Нет, я полностью поддерживаю нынешнюю власть, но учебный процесс независим от политики.

– Э, нет, Садовый, зависит, да еще как! Короче, завтра же в школе не должно быть этой Соколовой. Ей не место здесь, как, впрочем, и в поселке. О последнем побеспокоюсь я сам.

– Но…

И вновь Лютый не дал договорить директору:

– Это еще не все! Завтра же ты лично извинишься перед дочерью. Перед всей школой.

– Это уже слишком. Я не стану этого делать.

Лютый выхватил из-за пояса брюк пистолет, приставил его ко лбу Садового.

– А так? Ты хочешь, чтобы я прострелил тебе башку?

– Уберите пистолет.

– Предупреждаю, не уволишь Соколову, не извинишься, я вернусь и положу здесь тебя и эту русскую шлюху! Ты меня понял?

– Понял, – проговорил директор.

Лютый убрал пистолет.

– Моя дочь должна быть отличницей. Ей в Англии учиться. Мне плевать, будут у нее знания или нет. Анна Лютая должна быть примерной отличницей. Иначе я разнесу вашу школу на куски. А ты подумай о себе, а не о Соколовой. Слово свое я всегда держу. Можешь после моего ухода обратиться в полицию, в прокуратуру, куда угодно. И убедишься, что ты по сравнению со мной червь навозный. Я дал тебе свободу, я ее и заберу вместе с жизнью. Запомни, прошли те времена, когда нам диктовали условия москали. Теперь у власти мы, и с нами надо дружить. Завтра я лично приду посмотреть, как ты будешь извиняться перед дочерью, а затем ты покажешь мне приказ об увольнении Соколовой. Я все сказал. До завтра, Садовый.

Лютый спрятал пистолет в брюки, бросил в лицо директору дневник дочери, опрокинул стулья, вышел из кабинета и громко хлопнул дверью. Во дворе он подумал, не ввалить ли Соколовой сразу после уроков, но решил, что не стоит.

«С ней по-свойски поговорит Безобраз, – подумал сотник. – Тот любит тощих баб. Вот пусть и развлечется с ней, перед тем как вывезти из района. Можно и в лес, все равно искать ее никто не станет. Но это решим завтра. А сейчас надо заняться Биглайзеном. Этот пархатый стоматолог бешеные бабки ни за что с нормальных людей дерет. Не место жидам здесь, пусть валят в свой Израиль или в Россию. Их там примут».

Лютый давно положил глаз на большой красивый двухэтажный дом зубного врача. Бандиту было плевать на Биглайзена, на его жену, красавицу Гилу, и четверых их детей. Лютый считал, что заслужил право на беззаконие.

Он достал сотовый телефон, набрал номер главы местной администрации, члена движения «Держава», своего бывшего одноклассника Стаса Палого. Тот получил свою должность благодаря боевой сотне Лютого, которая обеспечила ему победу на выборах. Неважно, что на голосование пришло всего десять процентов избирателей. Главное в том, что они проголосовали правильно, именно так, как надо.

– Да?! – ответил Палый.

– Привет, Стас!

– Влас? У меня почему-то незнакомый номер высветился.

– Я не со своей трубки звоню. Что у нас по документам на дом еврея?

– Документы-то готовы, да вот только Биглайзен категорически отказывается подписывать их.

– Другого я, в принципе, и не ожидал. Все же продавать такой дом за десять тысяч долларов, которые ты все равно не получишь, было бы глупо. А еврей не дурак. Ты вот что, Стас, пришли-ка к нему домой своего нотариуса где-то часов в одиннадцать вечера. До этого я решу вопрос с Биглайзеном. Нотариусу останется только заверить подписи.

– Нотариуса я пришлю, Влас, да вот только с утра Биглайзен такой шум поднимет, что и твое положение не поможет

отмазаться.

– Никакого шума не будет. Это я гарантирую.

– Хорошо.

– И еще вот что. Директор школы номер три должен завтра уволить Соколову.

– С чего бы это? У нас не хватает учителей.

– Это не повод, чтобы держать в школах москалей. Пусть ищет своих. Я хочу попросить тебя позвонить Садовому.

– Что сказать ему?

– Увольнение Соколовой – дело политическое. Это обычная страховка, я уже говорил с ним, но твое слово не помешает.

– Развернулся ты не на шутку, Влас!

– Тебе неплохо сидится в кресле главы администрации?

– Неплохо.

– Будешь делать, что скажу, станешь депутатом. Да не местной рады, а верховной. Сейчас страной правим мы и наведем в ней должный порядок, который хотели установить наши предки. Ведь твой дед тоже у немцев служил?

– Да, в сорок седьмом году его расстреляли энкавэдэшники.

– Вот видишь! Мы продолжим дело дедов, не забывая и о себе.

– Согласен.

– Давай, глава, работай. Нотариус пусть подъедет по-тихому на своей тачке, но встанет в соседнем переулке и до

усадьбы Биглайзена пройдется пешком. Понял?

– Так и будет, Влас! Когда встретимся?

– Встретимся. На днях не получится, я послезавтра свалю из поселка, а вот новоселье отметим обязательно.

– На восток поедешь?

– Да. Ведь сейчас в тех местах решается судьба страны. Мы должны быть там, где враг пытается поднять голову. Наша задача – отрубить ее. Давай, Стас!

– Удачи тебе, Влас!

Лютый отключил телефон, бросил его в карман и пошел домой.

Его встретил Дунич и спросил:

– Как сходил, Влас?

– Нормально. Ты позвони Безобразу, пусть подъедет сюда в девять вечера. После смены не уезжай. Дело есть!

– Понял!

– Тарасу быть на «Ниссане».

– За поселок поедем?

– Нет, но машина будет нужна. Кстати, у тебя вроде старая «Ауди» есть?

– Есть «сотка». Вечная тачка, только на ней уже западло как-то ездить.

– Хочешь вместо нее получить мой «Форд»?

– Конечно. А сколько запросишь за него?

– Твою «сотку».

– Это что, вроде как обмен?

– Ага.

– Но тебе-то какой интерес в этом?

– Узнаешь. «Ауди» у тебя где стоит?

– Во дворе, где ж еще?!

– В восемь часов пойдешь домой, пригонишь ее сюда. Не забудь документы.

– Ладно.

– Она хоть на ходу?

– А то! Говорю же, вечная тачка.

– Вот и хорошо. А сейчас ступай в сторожку.

Олесь Дунич, крайне удивленный внезапным предложением сотника, прошел в здание охраны. Лютый отправился в дом.

Жена занималась с дочерью уроками.

– Анютка! Надо себя хорошо вести. Ты пойми, учительница не хотела тебя обидеть. У нее работа такая – воспитывать вас, – приговаривала она.

Лютый кашлянул.

Женщина испуганно обернулась и сказала:

– Влас? Ты уже вернулся? Я стол накрою.

– Погоди, успеешь. Ты это чему дочь учишь?

– Я пытаюсь убедить Анюту, что она не права, обижаясь на учительницу.

Лютый подошел к столу, поцеловал дочь.

– Анютка, поди-ка поиграй в своей комнате. Нам с мамой поговорить надо.

– Да, папа. – Девочка ушла в комнату.

Как только дверь за дочерью закрылась, Лютый схватил жену за волосы и резко рванул к себе.

От внезапной боли у женщины вырвался вскрик, на глазах выступили слезы.

– Ты что, Влас?

– Я?.. Нет, это ты, сука, что?.. Чему Анну учишь? Чтобы дочь сотника Лютого унижалась перед москалями, кланялась этой вот Соколовой?

– Отпусти, прошу, мне больно.

– Запомни, Дарья, никто в этом поселке даже косо посмотреть на мою дочь не вправе. Ни один человек. Шлюхи Соколовой уже завтра здесь не будет. Утром поведешь Анюту в школу. Директор устроит построение, или как там у них это называется?.. Линейку! Так вот, поведешь дочь прямо к директору и будешь стоять рядом, пока Садовый не извинится перед ней. Публично, на глазах у всех. Я посмотрю на это со стороны. Ты же должна надеть на рукава себе и дочери повязки со знаком «Державы», стоять, гордо подняв голову. Ты поняла меня?

– Но, Влас…

Лютый рванул голову жены вверх. Она вскрикнула.

– Ты поняла меня?

– Да, отпусти!

Лютый разжал хватку и заявил:

– Я за свою дочь весь поселок замордую. А ты, женушка,

если не перестанешь портить Анюту, пожалеешь об этом. Не зли меня, а то ведь убью. А сейчас прими душ и в постель! Мне баба нужна.

– Я не смогу, Влас.

– Сможешь.

– Мне плохо, прошу, не сейчас.

– Плохо тебе? Тогда пойди к Марийке и приведи ее сюда. Она не откажет.

– В наш дом проститутку?

– Я сказал, мне нужна баба. Если ты не можешь, значит, другая все сделает.

– Тогда иди к другой! Хоть к Марийке, хоть к Надюхе.

– Это мой дом. Здесь командовать буду я. Что стоишь? Ступай! Либо в душ, либо за шлюхой.

– Хорошо. Я пойду в душ.

– То-то! Обедать после будем.

Женщина ушла из комнаты, Лютый прошел на кухню, достал из холодильника бутылку перцовки. Налил стакан, выпил. Прикурил сигарету.

Тут он услышал шум за спиной и спросил, не оборачиваясь:

– Ты уже все?

– Здравствуй, сын! – раздалось в ответ.

Лютый повернулся.

– Батя? Будь здоров. Заходи, выпьем за встречу.

Отец бандита Данила Петрович прошел к столу, присел

на стул. Лютый достал второй стакан, тарелку с нарезанным салом и огурцами, хлеб.

Сын хотел налить отцу, но тот закрыл стакан ладонью и сказал:

– Я не пить с тобой пришел, Влас.

– Ну, как хочешь. – Лютый опрокинул второй стакан, закурил и осведомился:

– Зачем пожаловал, батя? Опять нравоучения читать?

В коридор из ванной вышла жена.

– Ой! Папа, извините.

– В спальню ступай! – приказал Лютый.

Женщина скрылась в комнате.

Данила Петрович отставил стакан, посмотрел на сына и спросил:

– Ты что творишь, Влас? Хозяева из твоей башки все мозги вышибли? Ты кем возомнил себя? Хозяином поселка?

– Батя, ты слова-то подбирай.

– А то что?

– А то… провожу восвояси.

– Ты забыл, кто этот дом построил?

– Скоро заберешь его. Мне он будет без надобности.

– Но покуда ты здесь, отвечай за свои дела.

Лютый скривился.

– Ну и чего ты пристал? Что творю? То же, что и дед, отец твой. Навожу новый порядок. Я, как ты, под москалями жить не буду. Хозяев у меня нет, я сам себе голова. Да и всему

поселку. Или ты этого до сих пор не понял?

– На тебя народ смотрит как на последнего бандита.

Лютый повысил голос:

– Народ, говоришь? А что такое народ? Вы все говорите о народе, а где он? Что собой представляет? Или ты за народ считаешь то быдло, которое по соседству живет?

– Не смей так говорить о людях!

– Люди, батя, сейчас на передовой, на войне. А тут быдло бессильное и трусливое.

– И с кем у нас война?

– А то ты не знаешь? От телевизора, поди, не отходишь?

– Со своими же братьями война?

– Экстремисты, москали и те, кто пляшет под их дудку, нам не братья.

– Да, промыли тебе мозги основательно.

– Мне промыли, да? Ладно. Но скажи мне, сколько населения в Гольно?

– Тридцать тысяч.

– Вот! Тридцать тысяч. Пусть двадцать из них составляют бабы, дети, старики, старухи, но десять-то тысяч мужиков, так?

– К чему ты клонишь?

– А к тому, что эти десять тысяч мужиков подчиняются мне и моим людям. А сколько нас? Да трех десятков не наберется. Только быдло, стадо позволит понукать собой какой-то мелкой банде. Почему они не поднимаются против

нас? Десять тысяч против тридцати человек?

– Отвечу. Потому и не поднимаются, что за тремя десятками таких, как ты, стоит верховная власть. Потому что под вами и милиция, и прокуратура, и суд. Против вас выступи, так вы собственный поселок, как города на востоке, жечь будете и людей убивать почем зря.

– Все правильно, батя! Поэтому мужики наши и есть обычное стадо, тупые бараны. Ради них мы и освобождаем юго-восточные регионы. Удавим москалей – другая жизнь начнется. Правильная, лучшая. Та, за которую воевал дед.

– Это германский порядок – правильная жизнь?

– Свой, батя, порядок. Национальный. Без чужаков.

– Ладно, насчет этого с тобой говорить бесполезно. Скажи, чего ты на Соколову ополчился? Она Анютке двойку поставила, а ты решил ей отомстить?

– Это мое дело! Москалям и жидам в поселке не жить. Это мое последнее слово. Хватит пустословить. Лучше возьми Анютку да погуляй с ней пару часиков на улице. Мне с женой… побыть надо.

– Ты и Дарью замордовал совсем. Эх, сын, плохо ты кончишь, ох и плохо.

Лютый пьяно рассмеялся.

– Нет, батя, слишком долго жену не видел, так что с этим проблем не будет.

– Смеешься? Смейся, пока весело. Хоть и грех так говорить, но скажу. Хорошо, что мать твоя не дожила до этого

безумства. Для нее ты так и остался обычным парнишкой. Власиком, а не бандитом Лютым. – Данила Петрович тяжело вздохнул, позвал внучку и вывел ее из дома.

Сотник направился в спальню.

Глава 2

Вечером Дунич подогнал к дому Лютого порядком изношенную иномарку. Следом подъехали Безобраз и Бровчук.

– Что за дела, Влас? – спросил Безобраз.

– Всего одно, совсем небольшое. Поедем в гости к Биглайзену.

Безобраз приободрился и уточнил:

– Насчет дома?

– Да.

– Добре. Только уговор: если еврей заартачится, его жену Гилу ты отдашь мне!

– А чего вдруг тебе? – спросил Бровчук. – Я тоже не против поиметь красотку Гилу.

Лютый прервал перепалку подчиненных:

– Отставить базары! Если что, еврейку по кругу пустим, так что всем достанется.

– Ух и разложу ее я! – Безобраз сглотнул слюну.

– Если я позволю.

– А чего их жалеть, Влас? Все одно кранты им.

– Шеф приказал дело по-тихому провернуть, так что до крови доводить не будем.

– Ты хочешь сказать, что мы выпустим из поселка эту семейку? – уточнил Безобраз.

– Да. После того как Биглайзен сделает все, что от него

требуется.

– Но тогда с Гилой получится облом?!

– Почему? Жид так просто дом не отдаст, придется припугнуть, а вот тут и возьмем в оборот его жену. Короче, слушать меня. Что скажу, то и делаете. И никакого самовольства.

Безобраз вздохнул и согласился:

– Добре. А ты в курсе, Влас, что училка начальных классов из третьей школы свалила из поселка?

– Училка? Соколова?

– Она.

– Когда свалила?

– Так часа в четыре. Братуха мой видел, как она в автобус с дорожной сумкой садилась.

– Соскочила, сучка! Жаль. Почему мне не сообщили об этом?

– Ты ничего насчет нее не говорил. А что, ее тоже хотел прессануть?

– По полной. Вот с кем ты оторвался бы, Мирон. Имел бы москалиху сколько хотел, да, видно, не судьба. Не иначе, Садовый предупредил ее. Потому и сбежала тварь.

– Да в чем проблема, Влас? Что за дела с училкой? – поинтересовался Бровчук.

– Теперь уже никаких дел. Проехали. Время?

– Половина десятого, – сказал Дунич.

– Еще двадцать минут ждем и едем. Покурите пока. – Лю-

тый вернулся в дом.

Дочь спала. Истерзанная жена лежала в спальне. Сотник изнасиловал ее похлеще маньяка. Дарья постанывала, и это было слышно в комнате. Скривившись, Лютый прошел на кухню. Здесь было тихо.

Он достал телефон, набрал номер:

– Стас! Лютый!

– Узнал. Я поговорил с директором школы. Садовый все понял.

– Ага! И тут же предупредил Соколову, чтобы немедля валила из поселка.

– Ну, тут уж я ни при чем.

– Черт с ней. Нотариус готов?

– Кусинский подъедет, как и договаривались, к одиннадцати часам. Машину оставит за квартал до дома еврея. Ему бы, Влас, заплатить надо.

– Пули в голень хватит?

– Все шуткуешь? Дмитро хоть и молодой, но шустрый. Время зря не теряет, связями в области обрастает. Думаю, надолго в поселке не задержится.

– Разберемся. Главное, чтобы работу свою сделал. А заплатить? Обязательно. Из твоей доли.

– Влас!..

– Шучу. У меня сегодня вечером на удивление хорошее настроение.

– Еврей тебе его испортит.

– Пусть так, но он может испортить мне только настроение, я же ему – всю жизнь.

– Жидам жизнь не испортишь. Думаешь, он бабки дома или в местном отделении банка держит? Как бы не так. У него счета за рубежом.

– Как же Биглайзен набил в каком-то Гольно столько бабок?

– Ты не помнишь, как он появился у нас? Откуда приехал?

– Из Львова, по-моему.

– Верно. Там у него целая клиника была. Он ее продал, когда возникли проблемы с налоговой, и переехал в Гольно. Кстати, я после разговора с тобой поинтересовался его делами.

– Да? И что узнал?

– Биглайзен собрался линять из страны. Он и дом на продажу выставил. Можешь сам на сайте купли-продажи недвижимости в области посмотреть. Запросил за усадьбу, между прочим, двести тысяч баксов.

– Вот жид! Вроде умный, а не допер, что за такие бабки ему дом в райцентре не продать.

– Кто знает. В соседнем районе дом поменьше какой-то столичный бизнесмен за сто восемьдесят штук взял.

– А об этом где узнал? На том же сайте?

– Нет, знакомые люди шепнули.

– Они пошутили. Проконтролируй выезд Кусинского. Я отправляюсь на объект.

– Поаккуратней, Влас!

– Это ты мне говоришь?

– На правах одноклассника, товарища.

– Я всегда аккуратен. Давай, созвонимся!

– Удачи.

Переговорив с главой местной администрации, Лютый прошел во двор, где его ждали бандиты. Он вкратце проинструктировал их, и машины двинулись к дому стоматолога, семья которого, ничего не подозревая, спокойно готовилась ко сну.

«Ниссан» и «Ауди» встали в проулке, сразу за домом зубного врача.

Лютый подвел банду к воротам и осмотрелся. Здесь улица упиралась в тупик, народу не было, да и поздно уже.

Он приказал Дуничу:

– Давай, Олесь, через забор, открой калитку.

– Момент.

Дунич перелез через забор, и вскоре калитка в воротах открылась. Банда вошла во двор. У навеса стоял новенький «Лексус».

– А не хреново живет жид, – проговорил Безобраз.

– Ты хотел сказать – жил. Лафа для него кончилась, начинаются суровые будни. Значит, действуем так, как я сказал. И глядите, чтобы без шума.

– Так детям рот не закроешь, Влас, – проговорил Бровчук.

Лютый взглянул на него и заявил:

– Старшей дочери уже пятнадцать лет, она сама успокоит сестру и братьев. Где это у еврея горит свет?

– Судя по схеме дома, в гостиной и детских спальнях. Наверное, мать укладывает детенышей, – сказал Безобраз.

– Ну и добре. Достали стволы.

Бандиты вооружились пистолетами.

Лютый подошел к двери центрального входа. Она была закрыта, на окнах решетки.

– Боится жид. Дверь с семью замками поставил, решетки кованые на окна! – Лютый усмехнулся, повернулся к Безобразу: – Мирон, вспомни-ка молодость.

– А может, постучать? – спросил Дунич.

– Так тебе жид и откроет! – сказал Лютый и приказал: – Работай, Мирон!

Безобраз положил пистолет на ступеньку лестницы, достал из кармана связку всевозможных отмычек. Бровчук подсвечивал ему фонариком. Лютый отошел к машине стоматолога, прислушался. На улице и во дворе соседей тихо. Сотник вернулся к подчиненным.

Безобраз повернул очередную отмычку, в замке щелкнуло, и дверь отошла из паза.

– Готово, Влас! – доложил Безобраз, обернувшись к главарю.

– Молодчик! Начали!

Бандиты ворвались в дом в то время, когда из детской спальни вышла Гила Биглайзен. Увидев вооруженных бан-

дитов, она вскрикнула. Безобраз схватил ее, закрыл рот.

Лютый спросил у женщины:

– Где муж?

Гила не смогла ответить.

– Да открой ей рот, она дама с понятием, кричать не станет. Ведь так, Гила?

Женщина попыталась вырваться. Лютый нанес ей удар в солнечное сплетение. Сильная боль пронзила Гилу, заставила ее согнуться.

Лютый схватил ее за волосы, поднял голову.

– Я спросил, ведь так, Гила? Ты же не будешь кричать?

– Что вам надо? – проговорила женщина, глотая воздух.

– Муж твой. У меня к нему разговор. Всего лишь беседа. Если господин Биглайзен будет вести себя хорошо, то его семья не пострадает. А Алон умный мужик, все понимает. Так где он?

– В своем кабинете.

– Работает?

– Книгу читает.

– Это хорошо. Книги надо читать. – Лютый взглянул на Безобраза и приказал:

– Сучку в гостиную, там ждать. Крикну, приведешь в кабинет. Понял?

– Понял.

– Добре. Тарас, смотри за детьми, Олесь со мной.

Главарь банды в сопровождении боевика прошел к ка-

бинету, открыл дверь. Стоматолог сидел в кресле спиной к нему, при настольной лампе читал книгу. Лютый включил верхний свет.

– Зачем, Гила? – спросил стоматолог, повернулся в кресле и открыл рот от неожиданности.

– Добрый вечер, господин Биглайзен, – поигрывая пистолетом, проговорил Лютый и усмехнулся.

– Вы как сюда попали? Где моя жена, дети?

– Где ж им быть? – Главарь банды присел на подлокотник небольшого кожаного дивана. – Здесь они, в соседних комнатах.

– Как вы?..

Лютый перебил стоматолога:

– Хочешь узнать, как мы вошли в дом? Очень просто. На всякий замок найдется ключ. Но не будем терять время. У нас его с тобой, еврей, не так много.

– Что вам надо? Деньги? Я не храню дома крупные суммы. В сейфе есть около трех тысяч долларов, примерно столько же гривен, забирайте и уходите.

Лютый рассмеялся:

– По три тысячи долларов и гривен? Нет, Биглайзен. Ну и фамилии у вас, язык сломаешь! Мне нужны не твои деньги, а дом. За этим я и пришел к тебе. Мирно договориться. Конечно, у таких кровососов, как ты, надо забирать все безо всяких договоренностей, как в свое время делали наши деды и прадеды. Но я решил иначе. Все же у тебя семья. Поэтому

предлагаю заключить соглашение.

– Что это значит? Я не собираюсь продавать дом.

– А я не собираюсь его покупать, хотя какую-то сумму предложить могу.

– Повторяю, дом не продается. Забирайте деньги, украшения жены, если вам мало наличных, столовое серебро, все, что захотите, и уходите.

Лютый притворно вздохнул, посмотрел на Дунича и заявил:

– Не хочет, Олесь, еврей договариваться.

– Да чего с ним базарить? Прессануть как следует, на все согласится.

Лютый взглянул на стоматолога и спросил:

– Слышал, что советует мой друг?

– Что бы вы ни предприняли, дом вам не достанется. Он принадлежит мне.

– Хватит! – рявкнул Лютый. – Закрой свою вонючую пасть и слушай. Сейчас сюда приведут твою жену и на твоем же рабочем столе пустят по кругу. Ты знаешь, что это такое? Твою жену отымеют все мои парни. У тебя на глазах. Приласкают так, что вряд ли Гила после этого выживет. Если ты и потом продолжишь упираться, то следом за матерью на столе окажется твоя дочь. Назад хода уже не будет. Я лично удавлю твоих сыновей. Придется убить и тебя, а дом сжечь. Жители поселка утром узнают, что это русские диверсанты разделались с еврейской семьей, намереваясь свалить убийство на

местных патриотов. Да, я не получу дом, но это мелочь по сравнению с тем, как сдохнешь ты. Ну и как тебе такой сценарий?

– Вы не сделаете этого.

– Сделаю, Биглайзен.

– Нет. Совсем скоро подъедет милиция. Я нажал тревожную кнопку. Вы не просчитывали такой вариант, а я подстраховался.

Лютый рассмеялся еще громче.

– Милиция подъедет? Ну что ж, давай подождем. Посмотрим, как она подъедет. Я думал, ты умнее, Биглайзен.

– Влас, эта жидовская морда слила нас милиции? – проговорил Дунич.

– Ты же слышал, что сказал стоматолог.

– За это его надо наказать.

– Ты прав. Да и времени у нас в обрез. Мирон! – крикнул Лютый.

– Я! – ответил Безобраз из гостиной.

– Тащи сюда Гилу.

Биглайзен побледнел, но все же еще рассчитывал на помощь милиции. Там тревожный сигнал приняли, но к стоматологу наряд не поехал. Таков был приказ начальника ОВД, приятеля Лютого.

Безобраз втащил в кабинет жену Биглайзена.

Лютый приказал:

– Раздеть ее догола!

– С удовольствием, Влас.

Безобраз сорвал с женщины халат, разодрал сорочку. Нижнего белья на Гиле не было. Она осталась голой и вся сжалась, пытаясь прикрыть интимные места.

– На стол ее, в позу.

Безобраз бросил женщину на рабочий стол и стал быстро расстегивать ширинку.

– Алон! – вскричала женщина. – Почему ты молчишь?

Биглайзен сдался и заявил:

– Перестаньте. Отпустите жену, я отдам вам все, что хотите.

– Это другой разговор. Мирон! Бабу в гостиную и там не трогать, дать одеться. Ты понял, Мирон? Не трогать!

– Понял. Эх, жаль, сорвалось, я бы порвал ее на лоскуты.

– Делай, что сказано.

Безобраз увел жену стоматолога.

Биглайзен сжал голову руками, плечи его вздрагивали.

– А ты хуже бабы, еврей, – презрительно сказал Лютый. – Но поступил правильно. Что для тебя дом? Ерунда, новый купишь или построишь. Деньги с людей ты дерешь хорошие.

– Мне жалко не дом, деньги, ценности, а страну, в которой возможно подобное.

– Так чего ж ты живешь здесь? Валил бы в свой Израиль. Нет, там ты столько бабок не набьешь, не проведешь своих жидов, как тутошних лохов. Это здесь вы как пиявки присосались к теплым местам. Если еврей, так адвокат, антиквар,

ювелир или стоматолог, как ты. Что-то я не слышал, чтобы жиды на шахтах работали.

– Вы тоже далеко не шахтер.

– Ты, паскуда, меня с собой сравниваешь? Ты здесь никто, чужак. Было время, когда вам с кацапами позволяли жить тут. Оно прошло. Теперь эта земля наша. Заткнись, пока я тебя не удавил. – Лютый отошел к двери, достал сотовый телефон, набрал номер. – Дмитро, это Влас! Ты на месте?

– На месте.

– У тебя все с собой?

– Да.

– Так заходи. Господин стоматолог готов подписать любые документы.

– Вы и документы заранее подготовили? – спросил Биглайзен.

– Естественно. А знаешь, почему у меня с этим не возникло проблем? Потому что я хозяин на своей земле.

– Ну да, конечно. Вы новые хозяева, мы же, как и при гитлеровцах, мусор, подлежащий утилизации.

– Грубо, Биглайзен, но в принципе ты недалек от истины.

В кабинет зашел нотариус. Стоматолог хорошо знал его, более того, постоянно лечил ему зубы.

– И вы с ними, господин Кусинский?

– Я всего лишь выполняю свою работу, господин Биглайзен. – Нотариус положил на стол кейс, открыл его, достал документы. – Господин Лютый, здесь все, чтобы совершить

сделку купли-продажи.

– Отлично. Биглайзен, подписывай бумаги! Где и что – подскажет нотариус.

– Я и без него знаю. – Стоматолог подписал документы.

Нотариус заверил его подпись печатью, взглянул на Лютого и заявил:

– Сделка состоялась. Теперь этот дом со всем имуществом ваш, Влас Данилович.

– Это еще не все. Во дворе стоит новый «Лексус». Еврей должен и его передать мне. Подойдет генеральная доверенность. Ты можешь оформить тачку?

– Да, при условии, что господин Биглайзен добровольно согласится выдать вам такую доверенность.

– Он согласен. Но и это еще не все. Этой семье предстоит немедленно убраться из поселка. Без машины этого не сделать, так что оформишь на него автомобиль Дунича.

– Это старую «Ауди»?

– Да! Вполне приличная для жидовского семейства машина.

– Документы на нее есть?

– Все есть!

– Тогда не вижу никаких проблем.

– Работай.

Лютый вышел из кабинета, заглянул в гостиную. Гила в темном платье сидела в кресле, поджав под себя ноги. Напротив развалился Безобраз. Он курил сигару из коллекции

Биглайзена и стряхивал пепел на дорогой ковер.

– Убери соску, придурок! – рявкнул на него Лютый. – Теперь все здесь мое, а ты хочешь прожечь ковер?

– Извиняюсь, Влас. – Безобраз затушил сигару и спросил: – Все в порядке, значит?

– А разве могло быть иначе?

– Слушай, училка уехала, ее хата освободилась. А у меня мать в деревне в развалюхе ютится. Может, отдашь мне эту квартиру?

– Забирай. Только насчет оформления сам с Кусинским базарить будешь.

– Без проблем.

Лютый подошел к Гиле, приподнял ее голову за подбородок.

– Ступай к детям. Собирайтесь. Возьмите с собой только самое необходимое, никаких украшений, лишних вещей. Через час вы должны свалить из поселка.

– И далеко мы уедем? – спросила Гила. – До первой рощи, где вы нас догоните и убьете?

– Дура ты, Гила. Зачем мне убивать вас, если я получил то, что хотел? Но мы можем отправить только мужа с детьми. Ты же останешься здесь в качестве домработницы, будешь вести хозяйство и ублажать меня в постели. Зачем тебе этот слабак Алон? Со мной будет лучше.

– Если бы ты знал, Лютый, как я ненавижу тебя и таких негодяев, как ты.

– А вот это ты зря. Обид я не прощаю.

– Ну так убей меня, если не прощаешь.

– Займись детьми, не доводи до греха. Мирон!

– Я, командир!

– Проследи, чтобы семейство быстро собралось да не взяло с собой ничего лишнего.

– Понял.

– Не церемонься с ними. Но без рук. Понял?

– Понял!

Ровно через час семья доктора Биглайзена была готова к отъезду.

Лютый во дворе отозвал стоматолога в сторону и заявил:

– Предупреждаю, еврей, если раскроешь свою пасть насчет нашей взаимовыгодной сделки, то этим ты подпишешь себе и семье смертный приговор. Мой совет: езжай в столицу и оттуда первым же рейсом вали из страны.

– У меня нет денег на билеты.

– Найдешь. У вас повсюду полно родственников, друзей, просто знакомых. Они помогут. А теперь проваливай.

Биглайзен в течение двух часов лишился всего, что имел здесь, в провинциальном поселке. Он сел в «Ауди», и машина пошла на выезд из Гольно.

Бандиты сгруппировались возле главаря.

– Лихо ты его обобрал, Влас, – сказал Бровчук.

– Это, братцы, только начало. Вот укрепится наша власть, каждый будет иметь все, что только захочет. Иначе зачем

нужна власть?

Рядом кашлянул Кусинский.

– А, Дмитро? Ты хорошо сработал. Спасибо.

– Всего лишь? Стас говорил, что работа будет хорошо оплачена!

– Ну, если сам глава поселка говорил, то, конечно, надо это сделать. – Сотник достал из кармана тысячу долларов. – Держи! Ты их заработал.

– Это все?

– А чем ты недоволен, нотариус?

– Но Стас…

– Что Стас? В поселке хозяин я. А Палый – такой же исполнитель, как и ты. Я в курсе твоих дел. Знакомства в области заводишь, покровителей ищешь. Надеешься, что переедешь в областной центр и шишкой станешь? Может, так оно и будет, если я не помешаю. Так что бери сколько дают! Впредь не борзей. А то вместо области дворником у меня здесь за гроши пахать будешь. Мало ему, видишь ли.

Кусинский взял деньги и спросил:

– Я могу быть свободен?

– Вот это правильный вопрос. Пока можешь. Иди. Понадобишься, вызову.

– До свидания, господин Лютый!

– Счастливо!

Нотариус ушел, вскоре раздался звук работающего двигателя, который тут же стих.

– Такое дело обмыть надо, а, Влас? – сказал Безобраз.

– Можно.

– Поедем в наше кафе?

– А зачем, Мирон? Это людей вызывать, ждать, пока они закуску сделают. У нас новый дом есть. Холодильник там наверняка полный.

– Как насчет баб? – спросил Бровчук.

– А что за гулянка без них? – ответил Лютый. – Каждый вызовет свою шмару, и оторвемся. Только смотрите, мебель в доме добротная, вещи ценные, поаккуратнее.

– Само собой.

– Тогда вызывайте шлюх. Мирон, посмотри, что в столовой из жратвы и пойла. Если надо докупить, слетаешь к Гиви. У того на хате всего полно.

– Деньги?..

– Ты сначала посмотри, что есть в доме.

– Сначала я Микуську вызову.

– Из столовой позвонишь!

– Добре, можно и так. Но если у еврея нет пойла или закуски мало, то нужны бабки. Или даром у Гиви взять?

– Подойдешь, я дам бабки.

– Ладно, босс!

Бандиты начали звонить. Лютый тоже достал телефон, набрал номер.

Длинные гудки звучали довольно долго, наконец сонный женский голос ответил:

– Алло?!

– Это я, Марийка! Спишь, что ли?

– Влас? Да легла уже, а ты чего звонишь?

– Вставай, одевайся и в час выходи к скверу. Подъеду, заберу.

– Куда?

– На гулянку. Славно развеемся, Марийка!

– А как же Дарья?

– С каких это пор тебя беспокоит, что про наши с тобой отношения думает моя жена?

– Все-таки соседи, да и дружили раньше.

– То было раньше. Так ты выйдешь или мне другую телку вызывать?

– Выйду, конечно, Влас. В час буду у сквера!

– Ты чулочки кружевные надень и туфельки для постели возьми. Я от них балдею.

– А я думала, ты от меня балдеешь.

– Не передергивай. Ведь все поняла же!

– Влас, конечно, поняла и захвачу все, что надо.

– Давай. В час у сквера.

– Да, дорогой!

Ночь бандиты провели весело, разъехались только под утро. В новом доме остались Лютый и Марийка Слепко. Проводив ватагу, они отправились спать и отключились до полудня.

Лютый проснулся, толкнул подружку и заявил:

– Эй, соня, подъем!

– Чего, Влас? – проговорила Слепко. – Давай поспим, куда нам спешить?

– Сказал, подъем! Приведи себя в порядок, приготовь пожрать да займись уборкой. Чтобы к двум часам все в доме блестело!

– Я что, домработница?

Лютый с силой сжал полную грудь любовницы.

– Мне же больно! – завопила она.

– Делай, что сказано.

Слепко вздохнула, погладила грудь.

– Тут работы до вечера.

– Не до вечера, а до двух часов. Пошла!..

Марийка нехотя встала, подобрала одежду, разбросанную по всей спальне, и пошла в ванную. Вскоре на кухне послышалось шипение яичницы.

Лютый тоже принял душ, оделся, прошел в кабинет.

Он сел в кресло, покачался в нем и заявил:

– Любил еврей удобства. Кресло гривен семьсот стоит. Но теперь это все мое. – Он прикурил сигарету, достал сотовый телефон, набрал номер заместителя Скарабы.

Тот ответил без промедления:

– Здорово, Влас!

– И тебе здравствовать, Богдан. Как дела?

– Нормально, собираю людей, выдаю бабки.

– Машины для переброски сотни нашел?

– А что их искать? У местного бизнесмена, который занимается автоперевозками, взял пару «Уралов». Обещал вернуть, но, сам знаешь, обещанного три года ждут. Вот и этот коммерс погодит. В общем, техника есть. Оружие загрузим завтра, перед тем как ехать к Гольно.

– Ты машины хорошенько проверь, а то встанем на полпути.

– Не встанем, все проверю, обеспечу заправкой по полной.

– Добре. Возникнут проблемы до выхода, звони.

– А чего у тебя голос какой-то хриплый. Не заболел случаем?

– Нормальный голос. С башкой проблемы, но они снимаются быстро.

– Гуляли, что ли, вчера?

– А вы у себя не гуляли?

– Было дело. Надо же расслабляться.

– Сегодня и завтра никаких расслабух. Сделаем дело в Зареченске, тогда вместе погуляем. Всей сотней.

– Где ж такое место найдем?

– А дом отдыха?

– Там же народ…

– Там будем мы отдыхать, те, кто кровь свою за народ проливает.

Скараба рассмеялся.

– Я понял тебя, Влас.

– Давай, до связи!

– До связи.

Лютый отключил телефон, затушил сигарету.

В кабинет вошла Марийка и сказала:

– Обед готов, Влас. Правда, борща не сварила, для него на рынок надо ехать, сделала яичницу.

– Да, обед прямо ресторанный, ничего не скажешь. А чего ты глазки опускаешь?

– Ты давно мне подарков не делал.

Лютый достал из кармана стодолларовую купюру, бросил на стол.

– Держи, сама гостинец себе купишь.

– Спасибо.

– Чего еще?

– Там это… в гостиной секретер стоит. В нем шкатулка. В ней коробочка красная, бархатная, а там серьги золотые с камушками. Рядом золота всякого валом.

– Кто тебе разрешил по шкафам шариться?

– Да я просто заглянула в секретер.

– Ты мне по ушам не езди! Специально лазила.

– Подарил бы мне эти сережки, а, Влас? Дарья твоя не заслужила их. Да ей и так теперь целое богатство достанется. А ведь ты больше спишь со мной, чем с ней.

Лютый ударил ладонью по столу.

– Хорош базарить. Дарья и не ровня тебе в постели, но она моя законная жена, мать моей дочери. А за Анюту!..

– Да знаю я все, Влас. Так как насчет сережек?

– Ты прилипчивая, как банный лист, в натуре. Черт с тобой, забирай. Я сегодня добрый. Ночью ты дюже старалась. Бери, но больше о подарках не заикайся. Захочу, подарю, но сама не напрашивайся!

Слепко подошла к Лютому, поцеловала его.

– Я все поняла, дорогой, сама ничего просить больше не буду. – Женщина выпорхнула из кабинета.

Лютый потянулся.

«Надо бы здоровье немного подправить, – подумал он. – Интересно, держал ли пойло Биглайзен прямо здесь, в кабинете?»

Сотник поднялся из кресла, подошел к шкафу, открыл его.

На верхней полке стояли три бутылки виски.

«Запасливый еврей, и вискарь не дешевый. Наверное, в области покупал, здесь такого не продают».

Бокал он искать не стал, открыл бутылку, сделал прямо из горлышка несколько глотков. Темно-коричневая жидкость приятно обожгла желудок.

– Хорошо, – проговорил Лютый и подумал:

«Теперь можно позавтракать и отправляться в старую хату. Хотя нет. Черт, как же я запамятовал-то?!. Мне ж надо было утром быть у школы, посмотреть, как извиняется Садовый. С Марийкой обо всем забыл. Да, хороша стерва. А в школу заехать придется, обещал. Значит, после обеда туда».

Его телефон сработал сигналом вызова.

– Влас, это Олесь!

– Давно не виделись. Чего тебе?

– Ты, Влас, «Ауди» забрал?..

– Не продолжай. Бери мой «Форд», вернусь на хату, отдам документы, остальное сам оформишь.

– Понял, – довольно проговорил бандит. – А ты теперь, значит, по поселку на «Лексусе» разъезжать будешь?

– Заслужил!

– Спору нет. Хорошая жизнь началась, да, Влас? Ты себе дом отхватил, я – почти новый «Форд», Безобраз квартиру Соколовой к рукам приберет…

Лютый оборвал подчиненного:

– Ты бы меньше болтал, Олесь!

– Нет, я серьезно.

– А если серьезно, то давай ко мне, подгони «Форд» к новому дому. Я выпил и не хочу за руль садиться. Жаль будет, если «Лексус» разобью.

– Когда подъехать?

– К двум часам.

– Буду!

– Давай!

Лютый позавтракал, дождался Дунича и проинструктировал подружку:

– Ты здесь, Марийка, заканчивай, а вечером, часов в десять, опять приходи.

– Твои дружки тоже явятся?

– Нет, сегодняшнюю ночь мы проведем вдвоем.

– А завтрашнюю?

– А завтра я уеду. И без вопросов. Тебе все ясно?

– Ясно, дорогой.

Она уже нацепила украшение, еще вчера принадлежавшее Гиле Биглайзен.

– А сережки тебе идут.

– А то! Мне все идет!

– Вот только не все ты носишь. Выбрала то, что подороже.

– Так у меня в любовниках не кто-нибудь, а сам Лютый, хозяин поселка.

Сотник потрепал подружку по щеке. Он любил, когда ему льстили.

– А ты еще та хищница, Марийка. Чего ж тогда пела о том, что перед Дарьей неудобно? Да тебе на всех наплевать, лишь бы самой быть в шоколаде.

– Иначе, Влас, так и останешься нищей.

– Вот и говорю, хищница. Этим ты на меня похожа. Только я покрупней и посильней. Если что, загрызу.

– Я не дам тебе повода!

– И правильно. Все, поехал я. В десять буду ждать.

– Приду, Влас, прибегу!

– Куда ж ты, Марийка, денешься? – Лютый вышел из дома, сел на переднее сиденье «Форда», взглянул на Дунича и спросил: – Как, Олесь, доволен тачкой?

– Еще бы! Это не старушка «сотка». Спасибо тебе!

– Не за что. Давай в третью школу!

– В школу? – удивился Дунич.

– Ты не проспался?

– Вполне. Мы едем за Анютой?

– И за ней тоже. Двинулись!

«Форд» подъехал прямо к центральному входу школы номер три. Лютый прошел в кабинет директора. Там он устроился напротив Садового и закурил, не скрывая раздражения и демонстративно нарушая школьный устав.

Сотник выпустил облако дыма в сторону директора и спросил:

– Как прошло утро, Дмитрий Степанович? Я не смог подъехать, дела, знаете ли.

– Прошло так, как вы требовали. Была линейка, я извинился перед вашей дочерью.

– А что Дарья, супруга моя?

– Мне кажется, она очень стеснялась.

– Да? Одета-то хоть прилично была?

– Как все, в принципе.

– Ладно. А скажи-ка мне, Садовый, с чего вдруг Соколова вчера сорвалась из поселка? Мы договаривались, что ты уволишь ее и сегодня объявишь об этом.

– Я не знаю, почему и куда уехала Соколова. Она видела вас в школе и поняла, что вы приходили разобраться с ней. После вашего ухода Зося Артемовна зашла ко мне и написала заявление на увольнение. Мне и делать ничего не при-

шлось. Я, понятное дело, подписал заявление. Соколова получила расчет. О том, что она почти тут же уехала, я узнал позже. Да, мне насчет нее еще господин Палый звонил.

– Знаешь, какой самый большой недостаток у вас, интеллигентов? – спросил Лютый и усмехнулся.

– И какой же? – осведомился директор школы.

– Вы не умеете врать. Это ты предупредил Соколову, посоветовал ей скрыться, постарался, чтобы ее рассчитали в тот же день. Скажи, что я не прав!

Директор школы вздохнул.

– Правы. Но я не мог поступить по-другому.

– Почему? Ты подумал, что я накажу Соколову?

– Да. Честно говоря, я испугался, что с Зосей может случиться беда.

– Ты кого пожалел, Садовый? Москальскую стерву, которая издевалась над нашими детьми?

– Она тоже человек, Влас Данилович.

– Ошибаешься. Москали не люди, а тараканы, которые расползлись по нашей стране. Их давить надо, иначе они весь дом заполонят. Вот у тебя дома есть тараканы?

– Нет. На старой квартире были.

– И как, приятно тебе было видеть их повсюду?

– Нет!

– Вот. Так же ты должен относиться и к москалям.

– Я не могу.

– Чистоплюй. Но черт с тобой, помог Соколовой, значит,

пусть живет. Ей теперь тебя до конца жизни надо благодарить. Я бы ее дальше леса не выпустил. Умирала бы твоя Зося Артемовна долго и мучительно. Надеюсь, ты все понял насчет дочери?

– Да, господин Лютый!

– Анютка должна быть примерной школьницей и круглой отличницей. Все учителя и ты тоже должны хвалить ее. И не дай бог кто-то хоть случайным словом обидит Анюту! Спрошу серьезно. Понятно тебе, директор?

– Да, господин Лютый!

– Ну вот и договорились. Расслабься. Будешь исполнять обязанности как надо, тогда и жить станешь достойно. Я могу не только наказать, но и отблагодарить. До свидания. Дочь я забираю.

– Так ее с линейки еще Дарья Петровна забрала.

– Вот как? Причиной ты, конечно же, не интересовался.

– Нет.

– Понятно. Давай! – Лютый вышел из школы, сел в машину и приказал Дуничу: – Домой!

Тот спросил:

– Куда конкретно, господин начальник? У вас теперь два дома.

Лютый вспылил:

– Не валяй дурака, Олесь. На старую хату!

– Понял! Чего кричать-то?! Я же просто так, приятное сделать.

– Считай, что сделал.

Дунич довез Лютого до дома. Там его ждал Бровчук. Днем он должен был охранять жилище командира.

Сотник поздоровался с ним, повернулся к Дуничу и приказал:

– Подъедешь сюда в восемь часов. Довезешь до нового дома.

– Без проблем!

– Свободен.

Лютый вошел во двор, увидел дочь, качавшуюся на качелях, подошел к ней и спросил:

– Как твои дела, солнышко?

– Хорошо. Сегодня директор собрал всех учеников и извинился передо мной.

– Да? Вот видишь, учителя поняли, что несправедливо обошлись с тобой.

– Раньше такого никогда не было.

– Так раньше, доча, все по-другому было. Теперь в школе никто не обидит тебя и двоек ставить не будет.

– Даже если я не выучу уроки?

– А вот уроки, золотце мое, делать надо. Тебе после школы предстоит учиться дальше. В самом престижном заведении. Но об этом пока рано говорить. Так что уроки учить надо.

– Хорошо, папа.

– А скажи мне, Анютка, почему вы с мамой после линейки

ушли домой?

– Так мама захотела.

– Мама, значит? Она сейчас дома?

– Да. Она заболела.

– Понятно. Ты погуляй, доча, а я посмотрю, что с мамой.

– А можно я новую куклу сюда возьму?

– Конечно. Ведь это твоя кукла.

– Мама говорила, что игрушки нельзя выносить во двор.

– А папа говорит, что можно.

– Тогда я пойду за куклой.

– Пойдем вместе.

Лютый дождался, пока дочь выйдет с игрушкой во двор, и прошел в спальню, где на кровати лежала жена.

Он присел в кресло у трельяжа и спросил:

– Почему ты увела дочь из школы?

– Мне было стыдно, – проговорила Дарья.

– Стыдно?

– Представь себе, да! Зачем ты устроил этот спектакль?

– С каких пор ты решила, что я должен отчитываться перед тобой? Мне казалось, мы все обсудили. Я был уверен, что ты сделаешь все так, как надо, и что? Ты все испортила.

– Это ты портишь дочь. Влас, мы не можем жить так.

– Как так?

– Отдельно ото всех, ставя себя выше других. Мы должны быть в обществе.

– Лично я никому ничего не должен в этом поселке. Мне

– да, я – нет!

– Что с тобой произошло? Ты стал совсем другим.

Лютый усмехнулся и проговорил:

– Да, я стал другим. Самим собой. Я наконец-то почувствовал себя человеком, а не животным в стаде. Сейчас я могу все! Никто не посмеет сказать слово против меня. Такие, как я, привели к власти тех, кто сейчас правит страной. Взамен они дали нам свободу. Полную!.. В своей стране мы наведем наш порядок. Но я уже говорил об этом. Теперь о том, что касается тебя. Ты – мать моей дочери. Поэтому тебе придется вести себя так, как скажу я, слушать меня во всем. Иначе мне придется заставлять тебя и наказывать за малейшее непослушание.

– Значит, вчера ты наказал меня?

– Разве близость с любимым человеком может быть наказанием?

– То, что ты творил со мной, с любимым человеком не делают.

– Ты давно должна была понять, я не люблю тебя. Была любовь, да вся вышла. Но ты моя жена, а посему обязана исполнять супружеский долг, терпеть, если будет больно.

– А какой твой долг?

– Ты говоришь много лишнего, Дарья, и задаешь ненужные вопросы. Тебе следует избавиться от этих дурных привычек и смириться с тем, что я твой хозяин.

– Я стала рабой?

– Считай как знаешь. Только крепко запомни, ты живешь на свете лишь потому, что являешься матерью моей дочери. Уйти из семьи ты можешь только в могилу. Хотя, возможно, я и отпущу тебя, когда дочь станет самостоятельной. Сейчас я отдохну, ночью меня не будет, а завра уеду. На неделю, может больше. А ты за это время подумай.

Дарья посмотрела на Лютого и спросила:

– О чем же мне подумать?

– Стоит ли по глупости быть постоянно битой и униженной, когда можно жить достойно, по-человечески. Будешь вести себя как надо, сможешь иметь все. В противном случае… нет, об этом я и говорить не хочу. Вот о чем подумай! Да, и потихоньку собирай вещи. Как вернусь, мы переедем в новый, большой дом. Этот я верну отцу, чтобы он не доставал меня.

– Откуда у тебя новый дом?

– Дома, Дарья, покупают либо строят. Так вот я купил новый дом. Можешь на досуге посмотреть на него. Он принадлежал Биглайзену. Лучший в поселке! Еврей решил уехать, вот я и купил этот дом по случаю. Ну все, отлеживайся, я устал, мне надо отдохнуть.

Дарья ничего не сказала.

Лютый усмехнулся и заявил:

– Вот. Молчишь. Правильно! Значит, начала думать. Продолжай в том же духе. До отъезда я не трону тебя. Будь спокойна. Приходи в себя.

Лютый встал, посмотрел на жену, резко повернулся и вышел из спальни. Спустя полчаса он уже спал в гостиной на разложенном диване безмятежным сном ребенка.

Ночью и утром Лютый гулял. Ближе к обеду сотник заехал в старый, как он теперь его называл, дом.

Дарья встретила его у порога. Она была в национальной одежде, что крайне удивило Лютого.

– Ты чего это нарядилась?

– Я все обдумала, Влас. Ты прав во всем. Я буду тебе образцовой и послушной женой. Ты воюешь за свободу нашей родины, против москалей, евреев, других поганцев. Я должна во всем помогать тебе и буду делать все, что ты прикажешь.

Лютый никак не ожидал подобного поворота событий.

– Ты здорова?

– Да! Я осознала свою вину.

– А с головой все в порядке?

– Да.

– Вот как, – задумчиво проговорил главарь банды. – Ну что ж, раз так, то ладно, будем жить. Ты собери еды дня на два. Мне скоро уезжать.

– Конечно, Влас, я мигом.

– Э-э, погоди, а где Анютка?

– Здесь. Я позвонила директору школы, чтобы он прислал учителя на дом.

– Вот как? А ведь верно. Даже я не додумался до такого.

Молодец. Правильно, пусть учителя домой приходят и занимаются с дочкой. Ты как сообразила-то?

– Мы же не такие, как все?

– Нет. Мы лучше других.

– Поэтому и дочь наша должна учиться отдельно, чтобы на нее не оказывали влияние другие дети.

– Сегодня, Дарья, ты определенно мне нравишься.

– Я буду стараться нравиться тебе всегда. – Она повернулась и вошла в дом.

Лютый пожал плечами.

«Чего это с ней? Умом тронулась баба, не иначе. Или и правда все обдумала и поняла, что лучше подчиниться? Последнее вернее. Но и так неплохо».

Он следом за женой прошел в дом, принял душ, пообедал, приготовил вещевой мешок. Жена собрала дорожную сумку.

Потом Лютый позвал Дарью в спальню и сказал:

– Возможно, уеду надолго. Я хочу заняться с тобой сексом.

Дарья кивнула:

– Я тоже этого хочу. Подожди немного, я приму душ и разберу постель.

– Ты будешь делать все, что я скажу?

– Конечно. Ведь я же твоя жена.

– Вот как! – Лютый хмыкнул. – Ладно, ступай, я обожду.

В 21.00 он с Дуничем в сопровождении Бровчука и Безобраза на «Ниссане» выехал из старого дома. К месту сбора

главарь банды прибыл в 21.47. Вскоре подошли два «Урала», с ними подержанный, но еще крепкий внедорожник. Боевики остались в кузовах, из машин вышли только Лютый и его заместитель Скараба.

– Сколько ты людей привез, Богдан? – спросил Лютый.

– Пятьдесят три бойца. У Чехина нас будет ждать отряд Степана Цупалы, сорок четыре штыка. Ну и нас, командиров, шестеро, всего сто три человека.

– Оружие?

– Автоматы, по два магазина к ним. Гранатометы, пулеметы. С боеприпасами порядок.

– Настроение бойцов?

– Боевое.

– Все трезвые?

Скараба замялся.

– Да как сказать. Некоторые и поддали, но пока доедем, устроимся, протрезвеют.

– Передай тем, кто поддал, что за пьянку у Зареченска я расстреливать буду!

– Передам.

Телефон Лютого сработал сигналом вызова.

– Да?! – ответил он.

– Это Родион Александрович.

– Доброго вечера, господин…

Высокопоставленный чин в правительстве прервал Лютого:

– Не надо называть фамилию!

– Понял, слушаю вас.

– У тебя к маршу все готово?

– Так точно. Начинаю через две минуты, прибытие ориентировочно в три часа.

– Ты едешь на своей машине?

– На той же самой.

– Хорошо. На прежнем месте у кафе остановись. Колонна пусть продолжит движение. Мне есть что сказать тебе.

– Понял. Примерно через час буду на месте.

– Я подъеду на своей машине.

– Добре, Родион Александрович.

– До встречи, Влас.

– До встречи. – Лютый отключил телефон, запрыгнул на переднее сиденье «Ниссана», высунул руку в окно, поднял и опустил. Это означало: «Вперед!»

Колонна из двух внедорожников и пары тентованных «Уралов» пошла в сторону столицы.

Глава 3

В 23.15 на подъезде к тому самому кафе Лютый приказал водителю:

– Тарас, прижмись к обочине и остановись там же, где и раньше.

– Понял. – Бровчук выполнил приказ.

Лютый вышел из внедорожника и подал колонне сигнал двигаться дальше. Машины прошли мимо. Тут же на площадке встала знакомая «Хонда». Из нее показался Микович и прошел в кафе. Туда же последовал и Лютый.

Встретились они в небольшой уютной кабинке. Высокопоставленный правительственный чиновник заказал две чашки кофе, дождался, пока официант принес ароматный напиток, и проводил его взглядом.

Потом Микович взглянул на Лютого и сообщил:

– Исполняющим обязанности командира бригады, блокирующей Зареченск, назначен майор Городич.

– Это уже лучше. Из бригады убрали и заместителей Боровко?

– Да.

– Что за задачу придется решать нам?

– А вот теперь слушайте внимательно. Правительство, а особенно группа американских советников, выражает крайнее недовольство тем, что силы, брошенные к Зареченску,

не могут сломить оборону сепаратистов.

– Извините, Родион Александрович. – Лютый отпил глоток кофе. – Насколько мне известно, приказа на открытый штурм из столицы не поступало.

– Ты хочешь, чтобы президент распорядился смести с лица земли данный город? Никакого письменного приказа не будет. Но штурм должен быть проведен в субботу, послезавтра. Не имитация, Влас, не обстрел никому не нужных и быстро восстанавливаемых блокпостов, а самый настоящий. Действовать ты должен следующим образом. По приезде к Зареченску поручишь заместителю разместить сотню рядом с батальоном национальной гвардии. Сам же встретишься с майором Городичем. Определишь задачу войскам, которые находятся под его полным контролем. Ровно в пять утра, в субботу, самоходные гаубицы и реактивные системы залпового огня должны начать артподготовку по центру города, где находится штаб сепаратистов, базируются их основные силы.

Лютый посмотрел на Миковича и уточнил:

– Вы хотите сказать, что тяжелая артиллерия должна накрыть город?

Чиновник подтвердил:

– Да, Влас, именно это я и хотел сказать. Установкам залпового огня «Град» следует обстрелять окраины города. Задача самоходок: развалить здания бывшей администрации, ОВД, службы безопасности, но не повредить вокзал и желез-

ную дорогу! После артподготовки батальон должен войти в Зареченск.

Лютый спросил:

– А если войска, кроме батальона, который реально подчинен Городичу, откажутся штурмовать Зареченск? Кстати, я сомневаюсь, что и артиллеристы бригады откроют огонь по городу.

– Чтобы этого не произошло, мы и привлекаем к штурму твою сотню.

– Не понял. Мои бойцы должны заменить артиллеристов?

– Нет, Лютый, твои бойцы должны расшевелить войска. Для этого требуется немного. Надо продвинуть к окраинам малые диверсионные группы, которые в случае бездействия основных сил должны будут открыть по ним огонь.

– Огонь по подразделениям бригады?

– Да, черт бы тебя побрал. И по подразделениям бригады, и, если потребуется, по позициям артиллеристов, и по авиагруппе, но так, чтобы не нанести существенного вреда технике. Боевые машины десанта тех подразделений бригады, которые откажутся выполнять приказ, можете жечь, сколько вам угодно. И личный состав не жалеть. Тот, кто отказывается выполнять приказ, по законам военного времени подлежит уничтожению. Если не удастся спровоцировать десантников, то и черт с ними. Главное – заставить стрелять тяжелую артиллерию, поднять авиацию и провести атаку с севера батальоном, который контролирует Городич. А его лю-

ди пойдут на штурм. Вертолеты огневой поддержки Ми-24, а также Ми-8, оснащенные блоками с неуправляемыми реактивными снарядами, должны поддерживать продвижение батальона в глубину города. Авиации вести огонь по бронетехнике противника и далее по любым целям, исключая вокзал и железную дорогу. Проникновение в город батальона Городича стянет к нему все силы, оставшиеся у сепаратистов. Это ты увидишь, оборудовав командно-наблюдательный пункт на Большом холме. Как только отряды экстремистов пойдут на батальон прорыва, ты введешь в первый и во второй микрорайоны национальных гвардейцев и свою сотню. Она должна будет собраться в определенном тобой месте после решения задачи по активизации армейского соединения.

– А если батальоны и без провокации пойдут на штурм? – спросил Лютый.

– Тем более! Тогда тебе вообще не придется проводить провокацию.

– Что делать в городе моей сотне?

– На твоих парнях и на батальоне национальной гвардии – зачистка Зареченска. Действуйте жестко. Входите в дома, квартиры, хватайте мужчин и вытаскивайте их на улицу. Там на колени и мордой в асфальт, затем на стадион. Если кто-то попытается оказать сопротивление, открывайте огонь на поражение. По нашим данным, отряды сепаратистов Зареченска вместе со штабом и резервом насчитывают около трех

сотен человек. Большая их часть должна быть уничтожена в ходе артподготовки и штурма, остальных, где-то рыл тридцать-сорок, надо взять живыми. Нам без разницы, действительно ли это будут сепаратисты, посмевшие захватить город, или местные мужики. Они нужны для показательного процесса в том же Зареченске.

Лютый почесал затылок и проговорил:

– Так, Родион Александрович, мы половину города завалим точно. И разрушения будут сильные. Особенно после «Гвоздик», «Градов» да вертушек.

– Ты еще забыл минометный взвод. Его также надо использовать по назначению. Особенно эффективным станет применение минометов по загородному коттеджному поселку, по улицам, проулкам, да и по многоэтажным жилым домам. Наша цель, Влас, состоит в том, чтобы навести в Зареченске такой шухер, от которого вздрогнул бы весь юго-восток. Мы просто обязаны показать сепаратистам, кто в стране хозяин, а то они начинают слишком борзеть, референдумы проводят, своих депутатов выбирают. Вот вы и покажете этим «колорадским жукам», что они никто. А хозяева мы, новая власть.

Лютый перевернул пустую чашку и сказал:

– Задача мне понятна, но Зареченск стоит недалеко от границы. Не получим ли мы из России сюрприз в виде атаки частей полноценной воздушно-десантной дивизии? Тогда все наши силы у Зареченска превратятся в «колорадских жу-

ков», обильно политых отравой. Русские не только выбьют нас из города, они не дадут нам отойти от него дальше десятка километров. Против них мы бессильны.

Микович отрицательно покачал головой:

– Э-э, Влас, если бы русские ввели свои войска из-за бойни в Зареченске, это было бы просто чудненько, самое то, что нам надо. Но рассчитывать на это не приходится. По крайней мере, на мгновенную ответную реакцию.

– Так вся фишка антитеррористической операции в том, чтобы вынудить Россию ввести войска?

– Тебя это не касается. Ты работаешь по поставленной задаче. Сейчас твоя цель – Зареченск. Понял?

– Понял, Родион Александрович.

– Теперь насчет журналистов и представителя ОБСЕ в Зареченске. Они кучкуются в гостинице «Восток», на момент начала артподготовки будут находиться в номерах. Вот пусть там и остаются. Представитель ОБСЕ вообще должен исчезнуть. Это твоя персональная задача.

– Как я определю его?

– Городич подскажет. Он имел с ним разговор. Есть вопросы, Влас?

– Каков размер моей премии?

– Кто о чем! – Микович усмехнулся.

– А на кой хрен мне воевать, если ничего не иметь с этого?

– Ты уже получил хороший дом.

– Где? В Гольно! А я хочу дом в поселке, где депутаты да

министры живут.

– У тебя чрезмерный аппетит.

– Так вы сами и подняли его.

– Ладно, то, что ты любишь деньги, даже хорошо. Это залог того, что работу ты постараешься выполнить. Теперь насчет премиальных. Кроме ста тысяч долларов ты получишь по пять за каждого захваченного активиста.

Лютый прищурил глаз, произвел в мозгах не самый сложный расчет.

– Значит, если мы возьмем тридцать «жуков», то я получу сто пятьдесят штук зеленых?

– Верно.

– А если пятьдесят?

– Доходы посчитаешь позднее. Какие вопросы есть по существу дела?

– Да понятно все, Родион Александрович.

– Ну и добре. Догоняй свою колонну!

– До встречи!

– На операцию тебе пять часов. Так что в десять утра жду доклада из поверженного Зареченска.

– Не волнуйтесь. Мы разнесем этот мятежный город.

– Удачи!

Лютый покинул кафе. Вскоре Бровчук уже гнал «Ниссан» по шоссе.

Микович же заказал себе шашлык. Ему сегодня спешить было некуда. Главную работу он сделал, а блондинка Ленка

примет его в любое время.

«Ниссан» догнал колонну у развилки, где машины встали, дожидаясь подхода отряда Цупало из Чехина. Тот прибыл на трех грузовиках в полночь.

Цупало подошел к Лютому:

– Привет, Влас! Все мои здесь.

– Вооружение, боеприпасы?

– Хватает, но смотря что конкретно предстоит делать.

– Брать Зареченск.

– Неплохо. В городе сильная группировка сепаратистов, у них есть бронетехника, их поддерживает население.

Лютый усмехнулся и заявил:

– Бронетехнику сожжем, группировку уничтожим. Вместе с населением, поддерживающим сепаратистов.

Цупало посмотрел на Лютого и спросил:

– Все так серьезно?

– Серьезней не бывает. Но конкретно все обговорим по прибытии в район.

– Как скажешь. Ты командир.

– Давай со своими парнями за нами.

– Понял.

Колонна боевиков, увеличившаяся на три грузовика и один внедорожник, продолжила марш. В 2.50 она зашла в рощу у Большого холма. Сторожевые посты оповестили командира национальной гвардии о прибытии сотни «Державы». Бандиты разместились на позициях.

Утром в пятницу Лютый позавтракал, а потом вызвал к себе заместителя и приказал:

– Богдан, возьмешь людей и скрытно, не спеша, но до десяти часов обязательно оборудуешь на холме наблюдательный пункт. Подъем на него со стороны Каровска!

– Ну не с Зареченска же.

– КНП оборудовать по всем правилам, чтобы с него мы могли видеть весь город с прилегающими территориями.

– Сделаем. Только скрытно, Влас, не получится.

– Это почему еще?

– Недалеко небольшое село. Оттуда нашу работу увидят, а тамошний народ наверняка за сепаратистов. Предупредят.

– Черт с ними. Но ты старайся работать скрытно. Я поехал к командиру бригады.

– Кто сейчас тут комбриг?

– Какая тебе разница?

– С Боровко не договоришься.

– Бригадой командует не полковник. Этого достаточно.

– Если в гости заявится комбат национальной гвардии?

– Передай ему, что с ним я тоже сегодня встречусь, но позже. Пусть будет на месте!

– Понял.

– Давай.

К расположению штаба бригады Лютый выехал с ближайшими подельниками и Дуничем, который сегодня исполнял роль водителя «Ниссана». На этот раз шлагбаум поднялся

заранее, когда внедорожник находился метрах в двадцати от него. Солдат, вышедший из будки, даже честь отдал.

Лютый ответил ему, повернулся к подельникам и заявил:

– Совсем другое дело, да, хлопцы?

– Так и должно быть.

У штабного модуля сотника встретил невысокий офицер в камуфлированной форме. Бандиты вышли из машины.

Лютый поправил свой камуфляж и спросил у офицера:

– Майор Городич?

– Так точно. Вы, насколько я понимаю, сотник Влас Лютый?

– Верно понимаешь, комбриг. Как тебе новая должность?

– Нормально.

– А ты в курсе, кто похлопотал за тебя?

– Да. Благодарю.

– Ладно, оставим эту хрень на потом. Сейчас веди в кабинет, разговор у нас будет непростой!

– Прошу за мной.

Лютый повернулся к подельникам:

– Мирон – старший. Смотреть тут! Если что, сразу в кабинет.

– Да тихо кругом, бригада будто вымерла.

– Кого ты при штабе увидеть хотел? Офицеры в модулях, лишняя охрана снята. В общем, смотреть и ждать!

Лютый прошел за Городичем в кабинет, который всего несколько дней назад занимал полковник Боровко. Визитер

вальяжно развалился в кресле у шкафа.

Новоиспеченный комбриг присел за стол и заявил:

– Внимательно слушаю вас, господин Лютый!

– Как зовут тебя, майор? Из памяти вылетело.

– Виктором.

– Ага. Так вот, Витя, это не ты меня, а я тебя слушаю. Доложи обстановку, которая сложилась на данный момент в подчиненной тебе бригаде. Меня больше всего интересует, как восприняли твое назначение другие комбаты, каков дух в частях, готовы ли славные десантники выполнить любой приказ своего родного правительства?

Майор Городич ответил:

– Обстановка в бригаде неоднозначная, я бы даже сказал, что нервная. Многие офицеры возмущены снятием полковника Боровко и его заместителей. Меня здесь воспринимают плохо. В бригаде батальонами командуют подполковники. Кто-то из них уже примерял полковничьи погоны, а тут приказ! Меня назначают на должность комбрига.

Лютый, не обращая внимания на Городича, закурил и сказал:

– Ты мне, Витя, давай конкретней. Скажи, кто особо недоволен и может проигнорировать твой приказ, а на кого ты все же можешь положиться?

– У меня сложились неплохие отношения с новым начальником штаба, бывшим командиром первого батальона подполковником Ващуком, да и с нынешним комбатом майором

Щебаком. Однозначно на моей стороне третий батальон. Я им командовал и поставил на него верного человека, бывшего ротного, капитана Потребко. На пятом батальоне теперь тоже надежный офицер, капитан Бергун, но там и до него были противоречия между офицерами.

– А куда делся бывший комбат?

– Я назначил его своим заместителем.

Лютый бросил окурок на пол, растоптал его и уточнил:

– В общем, ты можешь полностью рассчитывать только на свой бывший батальон и в какой-то степени на первый, так?

– Гарантированно только на свой.

– Что по отдельным ротам, батареям?

– Разведывательной ротой командует капитан Луцик, ставленник и любимец Боровко. Артиллерийская батарея находится под командованием капитана Пономарева. Он уволился бы прошлой зимой, но изменилась обстановка. Так что Пономареву по большому счету все до одного места, но стрелять по жилым кварталам он не будет.

– Его можно сменить?

– Если только со всем личным составом.

– Понятно. Боровко развел в бригаде бардак. Не соединение, а не пойми что. Один выполнит приказ, другой еще подумает, а третий пошлет все на хрен. Что происходит с армией, Городич?

– То же, что и со всей страной. У меня в бригаде почти половина солдат из восточных и центральных регионов. У

трети срок службы закончился, их оставили в строю по мобилизации. Понятно, что воевать они не будут. Вчера послал на южный блокпост сепаратистов роту, так все три взвода развернулись в поле, дали очереди в небо и пришли назад.

– Что объяснил по этому поводу командир роты?

– А ничего не объяснил. Не захотели солдаты стрелять в ополченцев, которые, дескать, без оружия. Охотничьи дробовики не в счет.

Лютый поправил Городича:

– Не в ополченцев, майор, а в сепаратистов, в террористов не стали стрелять твои подчиненные. Всегда называй вещи своими именами.

– Конечно, Влас Данилович, я оговорился.

– Так, ну а если сепаратисты первыми нанесут удар по позициям твоих батальонов, сожгут несколько боевых машин, завалят с десяток бойцов, тогда подразделения вступят в бой?

– Откуда у сепаратистов столько сил, чтобы нанести бригаде существенный урон?

– Ты не ответил на вопрос, Витя!

Подумав, Городич проговорил:

– Ну, если сепаратисты всерьез обстреляют позиции батальонов, то, думаю, те ответят.

– Думаешь или уверен?

– Ответят. Как мощно? Это будет зависеть от масштаба нападения, но, повторяю, у сепаратистов в Зареченске не

хватит сил на такую операцию. Они могут, конечно, атаковать какую-то отдельную роту на узком участке, но долго поддерживать наступательные действия не сумеют, отойдут.

Лютый пропустил мимо ушей последние слова новоиспеченного командира бригады.

– Ответят! – сказал он. – Ну так это то, что и надо. А сепаратистам поможем мы.

Городич внимательно посмотрел на Лютого и спросил:

– Вы намерены спровоцировать нападение?

– А что нам – я подчеркиваю, нам! – остается делать, Витя, если ты не уверен в действиях своих подчиненных?

– Но погибнут и ваши люди.

– Ничего, я наберу новых. У меня, в отличие от армии, желающих служить много. Так, с этим разобрались. Ситуация не радует, но ничего, прорвемся. Какие отношения у тебя с командиром артиллерийской группы?

– Капитан Бойко свой человек! Службист, карьерист, к тому же особой отвагой и храбростью не отличается. Воровatый тип, но кто и где сейчас не ворует?

– Что он может воровать? Гаубицы? – удивился Лютый.

– В войсках есть много всякого добра, которое стоит хороших денег. Бойко – предприимчивый человек. Прослужил в армии шесть лет, а уже недалеко от столицы коттедж поднял.

– Может, у его жены какое дело?

– Холостой он, Влас Данилович.

– Хм! Интересный тип. Мне надо с ним встретиться.

– Определите время, и он будет ждать вас с накрытым столом.

– Попозже я найду его сам. Что скажешь по командиру авиагруппы?

– Майор Таняк. Тоже службист, но иного плана.

– В смысле?

– Патриот, приверженец западных ценностей, приказы начальства, какими бы они ни были, готов исполнять беспрекословно, оставаясь верным долгу и присяге. Под его влиянием и командир минометного взвода.

– Хорошо, что в группах усиления все в порядке. Бойко, Таняк и… как там твоего взводного минометчиков?

– Лейтенант Дрон.

– Все они находятся на аэродроме?

– Так точно. В одной палатке живут.

– Прекрасно, со всеми тремя и встречусь.

Городич спросил:

– Так что за задачу предстоит решать бригаде?

Лютый усмехнулся и ответил:

– Задача, Витя, простая! После артподготовки силами твоей бригады при поддержке авиации провести штурм Зареченска с дальнейшей его зачисткой бойцами национальной гвардии и моими хлопцами.

Городич спросил:

– Я не ослышался? По городу будет проведена артподготовка?

– Ты не ослышался. – Лютый поднялся, подошел к столу и приказал: – Давай карту района. Будем конкретно решать, что какими силами на каждом этапе делать, исходя из поставленной общей задачи. Я тебе все объясню, а ты доведешь до своих подчиненных. Сделать это надо будет как можно быстрее, чтобы я успел предпринять меры по активизации твоих десантников, не желающих воевать. Внимание, майор!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.